

**ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

**ХРОНИКА
ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР**

ВЫПУСК 13

Январь-февраль 1975

ГОД ИЗДАНИЯ — ТРЕТИЙ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХРОНИКА»
НЬЮ-ЙОРК**

«Хроника защиты прав в СССР» составляется редакцией
издательства «Хроника пресс».

Главный редактор издательства: Валерий Чалидзе.

Редакционная коллегия: Эдвард Клайн

Павел Литвинов

Лондонский корреспондент: Питер Реддавей

A CHRONICLE OF HUMAN RIGHTS IN THE USSR
is compiled by the editors of the **KHRONIKA PRESS.**

Editor-in-Chief, Khronika Press: VALERY CHALIDZE

Editorial Board: EDWARD KLINE, New York

PAVEL LITVINOV, New York

London Correspondent: PETER REDDAWAY

Copyright © 1975 by KHRONIKA PRESS

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., New York, N.Y. 10018

Printed by: WALDON PRESS, 216 W. 18th St., New York, N.Y. 10011

СОДЕРЖАНИЕ

Марамзин освобожден из-под стражи	5
В защиту Осипова	5
Письмо психиатра Глузмана	8
Заявления в защиту Леонида Плюща	14
Об административном надзоре	19
Осуждена Валентина Пайлодзе	24
Дело о конфискации баптистской типографии	25
Речь Чалидзе о разрядке международной напряженности	31
Краткие сообщения	33
Приложение: В. Буковский и С. Глузман. Пособие по психиатрии для инакомыслящих	36
Указатель имен	62

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Журнал «Хроника защиты прав в СССР» информирует читателя о событиях, связанных с советскими и западными выступлениями в защиту прав человека и социальных меньшинств в СССР и о том, как власти в СССР защищают и нарушают права человека и меньшинств, при этом основное внимание будет уделяться наиболее типичным нарушениям прав.

«Хроника защиты прав в СССР» не занимает политически мотивированной позиции и не содержит редакционных оценок по поводу описываемых событий. При отборе информации основное внимание уделяется степени её достоверности, что, по мнению издательства, более важно, чем оперативность и полнота публикаций.

Ограниченность объема журнала не позволяет издательству более полно информировать читателей о многочисленных западных выступлениях в защиту прав человека в СССР и о движении советских евреев за выезд в Израиль.

Издательство не принимает пожертвований от государственных и политических организаций.

МАРАМЗИН ОСВОБОЖДЕН ИЗ-ПОД СТРАЖИ

В Ленинграде 21 февраля суд приговорил писателя Владимира Марамзина условно к 5 годам тюремного заключения; после оглашения приговора Марамзин был освобожден из-под стражи.

Владимир Марамзин был арестован 24 июля, как полагают, в связи с его усилиями по составлению собрания произведений Иосифа Бродского. Многие западные интеллигенты выступали в защиту Марамзина.

Незадолго до суда московский корреспондент французской газеты «Монд» Жак Амальрик сообщил, что его вызвали в отдел печати Министерства иностранных дел и вручили письмо, как полагают, составленное писателем Марамзиным. В этом письме Марамзин, если оно действительно принадлежит ему, выражает сожаление по поводу ущерба, который он нанес своей стране, а также выражает возмущение по поводу желания определенных политических сил использовать его имя для борьбы против Советского Союза. Марамзин отмечает, что он любит свою страну и всегда был лояльным по отношению к советскому правительству.

Согласно сообщению адвоката Марамзина — Семена Хейфеца, Марамзин на суде выразил сожаление по поводу того ущерба, который его деятельность нанесла Советскому Союзу, признал выдвинутые против него обвинения; он также не возражал против показаний свидетелей, которые подтвердили эпизоды обвинения.

В ЗАЩИТУ ОСИПОВА

Обращение по поводу ареста Владимира ОСИПОВА

«28 ноября 1974 г. в г. Александрове Владимирской обл. был арестован Владимир Осипов, бывший редактор рукописного журнала «Вече» и нынешний редактор рукописного

журнала «Земля», проведший уже семь лет в исправительно-трудовом лагере за участие в небольшом политическом кружке. Его арест явился результатом тянувшегося уже полгода судебного дела № 38 по делу «Вече», по которому были произведены десятки допросов и обысков.

Как известно, журналы «Вече» и «Земля» издавались совершенно открыто. Фамилия редактора всегда указывалась в каждом номере журнала. Владимир Осипов, несмотря на различные критические замечания в адрес существующей идеологии за невнимание к культурному наследию русского народа, за разрушение памятников старины, сохранял позиции гражданской лояльности и призывал к этому своих читателей. В частности, он призывал их отказаться от конфронтации с властями и сосредоточить свои усилия на внутренних проблемах национальной жизни. Разгром журналов «Вече» и «Земля» говорит о том, что в нарушение Конституции СССР, гарантирующей свободу печати, даже издание рукописных лояльных журналов объявляется угрозой государственному строю.

Мы призываем всех, кому не безразличны гражданские свободы в СССР, выступить в защиту свободы слова и печати в СССР и в защиту Осипова, как жертвы несправедливых антиконституционных гонений.

Подписи:

Игорь Шафаревич, Валентин Турчин, Юрий Орлов, Леонид Бородин, Михаил Агурский, Сергей Ковалев, Татьяна Великанова, Татьяна Ходорович, Игорь Хохлушкин, Вадим Борисов, Александр Воронель, Владислав Ильяков, Вячеслав Родионов, Николай Иванов, Станислав Серый, Андрей Григоренко.

29 ноября 1974 г.».

Открытое письмо Валентины Машковой (Осиповой)

«28 ноября 1974 года мой муж, Владимир Осипов, бывший долгое время редактором самиздатовского русского христианского журнала «Вече», арестован органами КГБ.

Я, его жена, в прошлом отбывшая 11 лет политлагерей за

участие в демократическом движении, родившая в следственной тюрьме своего первого ребенка и теперь беременная, на 7-м месяце, подвергаюсь в связи с арестом мужа бессовестным провокациям со стороны органов КГБ. Будучи по профессии учителем математики, но не находя иной работы, кроме самой низкооплачиваемой, я с большим трудом смогла устроиться сторожем сада в окрестности города Александрова. Сторожка, в которой я живу, находится в двух километрах от ближайшего жилья, в пяти километрах от ближайшей школы. В связи с этой тягостной бытовой ситуацией моя 7-летняя дочь находится у бабушки за 3 тысячи километров от Александрова.

Вскоре после ареста мужа в сторожку сада явились сотрудники органов милиции и угрожали мне лишением материнства, если я не уеду к дочери. Вели себя нагло, развязно, требовали адрес дочери и пытались произвести незаконный обыск. Несколько дней тому назад, возвращаясь домой в сумерках по безлюдному полю, я услышала позади себя быстрые шаги. Вскоре меня обогнал мужчина высокого роста, далеко ушел вперед и остановился. Но как только я приблизилась к нему, он снова быстро пошел и стал в сугробе, в стороне от тропинки. «Что вы здесь делаете?» — спросила я, поравнявшись с ним. «Иду туда, куда и ты идешь», — ответил он с наглым смехом. Но далее за мной он не пошел — видимо, программа этим исчерпывалась. Неизвестно, однако, что там еще запланировано у досужих умников из КГБ, дабы запугать меня, возможного свидетеля защиты Осипова, или выжить из Александрова.

В связи с создавшейся ситуацией: арестом мужа, моей беременностью, тяжелым материальным положением и провокациями со стороны КГБ, — я вынуждена обратиться за помощью к мировой общественности.

Прежде всего прошу помочь мне материально с тем, чтобы я могла купить комнату в городе и переселиться туда с дочерью до или после рождения ребенка. Во избежание помех со стороны КГБ, желательно направлять пожертвования для этой цели в адрес тех людей, которые известны своей безупречной репутацией.

Прошу также деятелей христианского и гуманистического движения выступить в защиту Владимира Осипова и его семьи.

Мой почтовый адрес:

601600, Владимирская область, г. Александров — 3
Коллективный сад «Дубки»
Машкова Валентина Ефимовна.

Подпись

28 декабря 1974 г.».

ПИСЬМО ПСИХИАТРА ГЛУЗМАНА

Друзья политзаключенного психиатра Семена Глузмана, который ныне содержится в Пермском лагере, передали для публикации его письмо родным, написанное после того, как он был лишен права свидания с приехавшими к нему родными:

Дорогие мои . . . . . !

9 августа я узнал о вашей неудачной поездке ко мне на свидание. Узнал из вашего письма, до этого момента никто не говорил мне о вашем приезде. Боялись говорить, боялись реакции моих товарищей. На этот раз мне пишется нелегко. Постараюсь обойтись без эмоций, ведь бумага так легко воспламеняется.

Не знаю, как начальник лагеря описывал мои прегрешения. Я был лишен свидания за отказ участвовать в строительстве лагерной тюрьмы. Дважды меня водворяли в штрафной изолятор. Но лишь 26 июля по указанию оперативной службы КГБ меня лишили свидания. КГБ стало известно о предстоящем вашем приезде. Провокация удалась на славу. Исполнились слова Пименова в период месячной голодовки: «Теперь мы будем работать чище». Юридически все обоснованно... Только одна «мелочь» вам неизвестна: все это время имелось несколько возможностей моего трудоустройства, и я неоднократно просил об этом... Но иного требовали «интересы государственной безопасности».

Вспомните прошлый год. Ценой компромисса с самим собой я получил свидание. Незадолго до вашего письма меня направили вскапывать контрольную следовую полосу, окружающую лагерь. Попросту говоря, я занимался самоохраной.

С точки зрения заключенного, поступок аморальный. Я его совершил ради вас, не ради свидания. Это мой единственный компромисс и последний. Оперуполномоченный КГБ капитан Утырь как-то сказал, что у меня есть одно слабое место — мои родители. Он ошибается — у меня нет слабых мест. Эта роскошь для меня непозволительна. И так же, как лишен я практически права на переписку, на квалифицированную медицинскую помощь, на свидание с родными, на достоинство человека, лишен я права на эмоции. Таковы мои лагерные будни, холодные, голодные и рассудочные.

Вы пишете о переоценке ценностей. Ежедневно и ежедневно во мне убивают и личность и живое существо. Собака, стерегущая меня за забором, получает более калорийное, качественное питание, ее не накормишь гнилой капустой или вонючей рыбой. Нынче я одет в тонкую хлопчатобумажную куртку пресловутого сталинского покроя с биркой на груди; я наголо острижен, всегда голоден, замерзаю на цементе штрафных камер, от меня требуют хождения в строю, в любую минуту меня могут раздеть донага, заставить присесть бессчетное количество раз. Я — раб, любой садист имеет власть и право принудить меня к любому унижительному труду, я — осужденный Глузман С. Ф. Особо опасный государственный преступник. Но я не Якир и не Дзюба. Вероятно, их вы называете «главарями». Как банду. Я не обладаю способностью видеть на колючей проволоке бутоны роз, я не страдаю хроническим алкоголизмом, чтобы научиться видеть галлюцинации. В период следствия меня познакомили с «отречениями» Франко, Селезенко, Холодного. Меня «убеждали»: Селезенко сейчас напротив, в ресторане «Киев», пьет коньяк и ест шашлык, а «вы в тюрьме». Я не привык к шашлыку под коньяк, но не в моих гастрономических вкусах была причина «отречься».

Мне нужно было бы отречься от самого себя, от полу-

ченных в детстве в вашей семье моральных устоев, от дяди Льва, от твоего, отец, друга Миши Яворского, погибшего «где-то». Следователь Гунихин(?) (неразборчиво — переписчик) убеждал меня, что в годы «культы личности» не было никаких «значительных» злоупотреблений, что всего было арестовано 5 млн. человек, да и то в большинстве по бытовым статьям, что погибло «совсем не много»... Мне продолжать? Вы — свидетели 37 года...

Мне вменено в вину распространение «клеветнических измышлений» о том, что Комсомольск-на-Амуре строили з/к. Вспомните покойного писателя Абрама Когана(? — неразборчиво — переписчик), вашего знакомого, он был участником этой великой «комсомольской» новостройки. Здесь в лагере со мной сидят участники подобных строительно-технических работ. Так что же, этого не было? Вспомните «дело врачей», и его не было? Не было Гаранинских зверств, лагерных бунтов, ночных арестов? Ведь вы, не я, их современники! Недавно в нашем лагере разбирали ветхое здание, построенное в 1949 г. На потолочной балке мы увидели надпись: «25 лет каторги, осталось 12, Максимов А. Гр.». Надпись на балке — единственное, что осталось от человека. Из прежних уральских з/к почти никто не выжил. Уральскими лагерями пугали зэков Норильска и Воркуты. Теперь пугают зэков Мордовии.

Но даже в худшем случае мне не угрожает забвение. Благодаря моим товарищам, знакомым и незнакомым, благодаря «Хронике текущих событий». Одна такая юная свидетельница, почти девочка, так ответила на вопрос суда: «Хроника текущих событий» существует для того, чтобы людям стала известна правда о закрытых процессах, таких, как этот». Эта девочка не из числа «главарей», она даже не рядовая самиздатчица. Не стала бы моя «переоценка» предательством ее? И что мне переоценивать? Негативное отношение к культу личности, которое воспитывали у меня преподаватели в школе и институте, книги, фильмы и, наконец, официальные материалы нашей партии? Забыть о десятках лично моих знакомых, вкусивших на себе весь этот ужас современной опричнины? Я — врач, видел смерть и, в ка-

кой-то мере, привык к ней. Но я видел смерть одного, всегда одного человека, когда бессильна наука и конец неизбежен. И я представляю с трудом смерть миллионов, здоровых, молодых, юных, старых. Смерть от голода, пули, пыток. Смерть миллионов — это не одна смерть, а миллионы смертей. Ничем не оправданная гибель безвинных людей.

А прокурор задавала мне вопрос: «Почему вы так акцентируете внимание на периоде культа личности, разве у вас в семье кто-либо был репрессирован?»

А вы читаете мне в письмах нотации, вы верите словам профессионального карателя, человека без убеждений, облегчая, тем самым, давление на меня. Он, Пименов, заявил как-то моему другу Мешенеру: «Я могу вас поставить на голову, если захочу». Именно в такой акробатике и заключается гуманизм социалистической пенитенциарной системы. Я испытываю его на собственной коже. Вчера, например, в штрафной изолятор посадили Пришляка, 62-летнего человека, мытарствующего по лагерям более 22 лет (а мне всего 27). И причиной этого акта «гуманности» послужил отказ выйти красить забор на контрольноследовой полосе. Оставим в стороне моральную сторону, полоса перед этим была вспахана, и кто может гарантировать, что человек не будет застрелен на ней «при попытке к бегству»? Такое бывало... 3 мая 1970 г., например, в Мордовии, на виду у десятков з/к, 12 выстрелов было сделано по человеку, одетому в больничное платье; по нему стреляли, несмотря на крики з/к: «Не стреляйте, он сумасшедший», несмотря на то, что после первого ранения Баранов (этот его фамилия) поднял руки. Это лишь один пример, и не самый страшный. История «Архипелага ГУЛага» знает и похлеще.

А знаете ли вы, что шаг в сторону или остановка во время пешего этапирования считается побегом (и это мой личный опыт), что в 50° мороза ночью меня укладывали в снег «на всякий случай», а надо мной рвалась на поводке овчарка? Все это — мои ценности. И нет им равных. Поэтому не будет и компромисса. Могу ли я забыть условия карцеров Харьковской пересыльной тюрьмы, изуверство конвоиров в этапных вагонах или то, как начальник конвоя «воспиты-

вает» осужденную проститутку, уведя ее на ночь в свое купе?

Так ли все благополучно в «далеком королевстве»? Вы — коммунисты. Так почему же вам, столь заслуженным гражданам «государства социализма и демократии», не разрешили даже поверхностно ознакомиться с материалами моего дела? Почему вас не пустили на суд к собственному сыну и не дали на руки приговор?

«Интересы государственной безопасности» заключались в попытке утаить от всех то, что мне вменялось в вину? Нобелевская речь Альбера Камю, пародия на роман Кочетова «Чего же ты хочешь?», статья Белля из журнала «Репортер», Открытое письмо в Союз писателей СССР Арк. Белинкова. Утаить показания свидетелей, которые все однозначно говорили об отсутствии в моих действиях и высказываниях «антисоветской агитации и пропаганды». Еще до закрытия следственного дела я знал срок. Его назвал мне начальник следственного отдела подполковник Боровин Н. П.

Кстати, об убеждениях. Тогда у нас имел место и такой диалог. Б. — «У вас еще осталось время. Отрекитесь, сообщите интересующие нас сведения, и не получите 10 лет». Я — «Неужели вы думаете, что от самого факта ареста и следствия меняются убеждения?».

Б., прерывая, — «Кого интересуют ваши убеждения, не в них дело заключается».

Нужно ли комментировать эту вариацию диалога Дьявола и Фауста.

Вам тяжело, несказанно тяжело. Разрушены ваши ожидания... (неразборчиво — переписчик) вместо научной и врачебной карьеры, наконец — моя семья, все — не состоялось. Но так ли? У меня была диссертация — «Заочное судебно-психиатрическое исследование по делу Григоренко», и я благодарю судьбу за то, что холост. Оперы из КГБ, подслушивающие в лагерном доме свиданий, не станут свидетелями моего адюльтера. Хотя бы от этого унижения я избавлен.

И я не могу «переоценивать» свое убеждение врача-пси-

хиатра и близкого друга в абсолютном психическом здоровье Леонида Плюща. Вы знаете, что в сентябре 1973 г. ко мне приезжал сотрудник центрального КГБ Дигас Георгий Трифонович. Без всякой санкции на то прокурора, тайком, я был увезен в дом свиданий ИТК-36, где в течение трех дней, без свидетелей подвергался... (неразборчиво — пер.) обработке. Сделка не состоялась, я отказался. А по всему видно было, очень хочется кому-то моей помощи. «А вдруг Глузман согласится опровергнуть «измышления» Запада о помещении здоровых людей в советские психбольницы». И цена предлагалась не малая.

Неужели бы вы одобрили такое отречение? Вы, сознательные и честные люди, врачи? Нет, не одобрили бы. Ведь именно тогда бы я стал преступником, коллегой Эльзы Кох (? — неразборчиво — пер.) и Даниила Лунца. Я не настолько силен, чтобы переступить собственную совесть. И не настолько слаб. Здесь, в концлагере, я живу полноценной духовной жизнью, счастлив, несмотря на то, что приходится выносить. И пусть объявление голодовки — единственная возможность выказать свое достоинство перед всей мразью, окружающей меня и моих товарищей по счастью (это не описка, я действительно счастлив), и пусть отказ от строительства лагерной тюрьмы — одна из немногих возможностей доказать нравственность твоих убеждений и гражданской позиции.

Я еврей, и мое иудейство не в памяти о жертвах геноцида, о преследованиях из-за предрассудка, возведенного в догму морали, — не только в памяти. Мое иудейство в знании о сегодняшнем дне народа, имеющего государство, историю, будущее и, к счастью, оружие. Мой дед Абрам, расстрелянный в Бабьем Яру, не позволил мне никаких «переоценок». Ибо каждый сентябрь дух его возмущается, и вам известно — почему.

Родные мои! Вам очень тяжело. Понимаю, вы боитесь ждать. Но поверьте в искренность моего письма, минуя цензуру: со мной все в порядке; чтобы ни случилось впредь, я ни о чем не жалею и я действительно доволен своей судьбой. Вам трудно понять такое. Ваше поколение

контужено 37 годом и последующими годами. Страх, страх, страх. Это невыносимо — бояться собственных желаний. И на следствии и на суде я с жалостью смотрел на своих свидетелей. Они говорили, запинаясь, отводя глаза, бледные. Говорили обо мне, о моих взглядах, словах, поступках, говорили из одного лишь страха, не желая мне зла, они — боялись. Некий трансцендентный страх, кафкианский. И разве не счастье, что я лишен его, что совесть моя чиста? Разве этого мало?

Вам тяжело, но неужели вы хотите, чтобы я предал мать Яна Палаха? (Мне ведь инкриминировали и высказывания об оккупации Чехословакии в 68 году). У нее уже нет сына, навсегда нет. Так как же, если не предательством, назвать «переоценку».

Не обязательно стать платным «источником» КГБ, дать показания на своих единомышленников, достаточно и того, что сделал Дзюба.

Я вынужден заканчивать это письмо. Нет времени, меня торопят. Оно покажется вам сумбурным, что поделаешь. Мои обстоятельства действительно специфические. И не знаю, когда сумею еще раз передать вам весточку, минуя многочисленных цензоров, еще раз сказать правду о себе. Не удивляйтесь лакированности моих писем к вам, ведь я не могу ответить на ваши вопросы. Не могу писать о товарищах, даже упоминать их имена, о наказаниях, собственных болезнях, питании и многом другом. Все это является тщательно охраняемой государственной тайной.

Поэтому прощайте, родные мои. Целую вас.

Слава

ЗАЯВЛЕНИЯ В ЗАЩИТУ ЛЕОНИДА ПЛЮЩА

Заявление прессе

«ЛЕОНИД ПЛЮЩ — наш товарищ, наш друг, человек исключительных душевных качеств, способный математик, разносторонне одаренный, бесспорно психически здоровый

человек, не совершивший и не намеревавшийся совершить никаких насильственных и других противоправных действий, — уже 3 года находится в заключении, последние полтора года — в психиатрической больнице специального типа — тюрьме.

После относительного ослабления давления на Л. Плюща в весенне-летние месяцы, когда количество психофармакологических средств, вводимых ему против его воли, не лишало его способности двигаться, читать, писать, — начался новый жестокий нажим. Большими дозами нейролептиков (трифтазин?) Л. Плющ доведен до очень тяжелого физического и психического состояния...

13-го декабря жене Л. Плюща отказали в очередном свидании. Есть все основания полагать, что этот отказ обусловлен тяжелым состоянием Л. Плюща, нежеланием администрации «больницы» показать его в таком состоянии.

Жена Л. Плюща, Т. Житникова, непрерывно, настойчиво, используя все возможные легальные средства, добивается освобождения своего мужа.

За женой Л. Плюща установлена постоянная и даже не скрывающаяся слежка (нагло, по пятам следуют агенты КГБ, у дома дежурит легковая машина из той же организации...).

Жена Л. Плюща добивается разрешения на выезд всей семьи из Советского Союза: сейчас это, очевидно, единственное, что могло бы спасти Л. Плюща от дальнейшего разрушения в психиатрической тюрьме.

Ей продолжают отказывать, мотивируя это тем, что Л. Плющ должен быть сначала освобожден из психиатрической больницы.

Если власти признают Плюща больным и держат в больнице для лечения, а не в качестве наказания, — почему не отпустить его за рубеж и не сэкономить на бесплатной медицинской «помощи»?

Мы требуем, не откладывая, удовлетворить просьбу Т. Житниковой о немедленном свидании с мужем.

Мы требуем освободить ЛЕОНИДА ПЛЮЩА из психиатрической больницы-тюрьмы в г. Днепропетровске и разрешить ему, его жене и их детям выехать из СССР!

Призываем людей доброй воли поддержать наши требования!

Благодарим всех, кто уже проявил много усилий и энергии, защищая Леонида Плюща, в частности, благодарим Международный комитет математиков в защиту Плюща.

Призываем не ослаблять, продолжать борьбу за освобождение

Леонида Плюща!

16 декабря 1974.

Мальва Ланда, Юрий Орлов, Григорий Подъяпольский, Ирина Каплун, Борис Ланда, Клара Гильдман, Елеиа Костериа, Виктор Тимачев, Владимир Дремлюга, Владимир Гершуни, Людмила Алексеева, Александр Лавут, Надежда Шатуновская, Эстер Смородинская, Нина Руденко, Виталий Рубин, Илья Королев, Зинаида Григоренко, Андрей Григоренко, Елена Боннэр, Татьяна Ходорович, Ирина Якир, Сергей Ходорович, Татьяна Великанова, Юрий Киселев, Вячеслав Бахмин, Татьяна Баева, Ксения Великанова, Анатолий Марченко, Вера Лашкова, Наталья Горбаневская, Нина Лисовская, Вадим Делоне, Л. Бородин, Михаил Агурский, Наталья Розенштейн, Григорий Розенштейн, Роксана Урбаи».

* * *

Прокурору Днепропетровской области СССР
Житниковой Т. И.

проживающей по адресу:

г. Киев, ул. Энтузиастов 33, кв. 36

З А Я В Л Е Н И Е

Настоящим ходатайствую о возбуждении уголовного дела против медперсонала Днепропетровской специальной психиатрической больницы, в которой с 15 июля 1973 г. находится мой муж, Леонид Иванович Плющ.

У меня есть все основания (их аргументация будет мною изложена при расследовании) привлечь к судебной ответственности всех тех, кто имел и имеет отношение к содержанию и лечению моего мужа в указанном учреждении.

В течение полутора лет моего мужа сознательно неправильно лечили. Это дает мне право расценивать действия

медперсонала больницы как преступные и требовать их судебного разбирательства.

Конкретно ходатайствую о возбуждении уголовного дела по ст. ст. 165 и 172 УК УССР в отношении начальника Днепропетровской специальной психиатрической больницы (г. Днепропетровск, ЯЭ 308/РБ) подполковника медицинской службы Прусса Ф. К., против лечащего врача моего мужа — начальника 9-го отделения больницы Часовских Л. А., против бывшего лечащего врача моего мужа — начальника 12-го отделения этой больницы Каменецкой Э. П.

Методы и продолжительность (полтора года) лечения, а также условия, в которых оно проводится, свидетельствуют о том, что здесь речь идет не о профессиональной ошибке, уголовно не наказуемой. Речь идет о преднамеренном разрушении физического и психического здоровья Л. И. Плюща усиленными дозами медицинских препаратов в течение длительного времени в антисанитарных условиях.

За время пребывания в больнице у моего мужа появились боли в желудке и в сердце, введение препаратов не вызывало у него судороги и аллергию, отеки и подавленное психическое состояние. Здоровье его разрушается, жизнь в опасности.

Неоднократно я взывала к гуманности и милосердию. Но в ответ не было даже и капли сочувствия. Теперь я полагаюсь на Ваше срочное вмешательство.

20 декабря 1974 г.

Плющ (Т. Житникова)

* * *

З А Я В Л Е Н И Е

в Международный комитет защиты прав человека
в Международную комиссию юристов
во все ассоциации психиатров
Всемирную ассоциацию психиатров
и другие

Ходорович Т. С., бывшего научного сотрудника Института русского языка АН СССР, адрес: Москва, проспект Мира 68, кв. 156, тел. 281-88-15.

33406/57 90

Орлова Ю. Ф., профессора, члена-корреспондента АН Армянской ССР, адрес: Москва, ул. Профсоюзная 102, корпус 7, кв. 1, тел. 129-51-60.

Мы обращаемся в международные независимые ассоциации юристов и психиатров с просьбой предоставить жене Л. И. Плюща адвоката и консультанта-психиатра для участия в судебном процессе, который она возбуждает против медперсонала Днепропетровской специальной больницы за преступное лечение и содержание Леонида Ивановича Плюща.

Мы утверждаем, что Леонид Плющ психически абсолютно здоров и его не имеют права ни вообще содержать в психиатрической больнице, ни лечить там.

Мы готовы предоставить все документы, необходимые для вашего участия в процессе.

Настаивая на участии в суде иностранных юристов и психиатров, мы отдаем себе отчет в том, что и в Советском Союзе есть, безусловно, честные и порядочные адвокаты и психиатры. Однако учреждение, в котором содержится Л. Плющ, находится в ведении Министерства внутренних дел, и участие таких юристов и врачей, к сожалению, невозможно.

Мы обращаемся в международный ассоциации еще и потому, что речь идет не только о нарушении прав человека — нарушены законы юрисдикции здравоохранения.

В психически здоровый организм человека преступно вводятся усиленные дозы нейролептиков. Лечение производится в условиях, которые сами по себе губительны: страшная духота, скученность, грязная выношенная одежда, ненормальное питание.

Вводить в таких условиях мощные дозы лекарственных препаратов — значит физически уничтожать человека.

Единственная реальная возможность спасти Л. И. Плюща — участие объективных и незаинтересованных лиц в судебном процессе.

Наша конечная цель — осуществить законные права Леонида Плюща и **всей** его семьи на выезд из Советского Союза.

Эмиграция же Л. И. Плюща, как было официально объявлено его жене в Киевском городском ОВИРе 16 декабря,

может явиться предметом обсуждения с властями только после выхода его из больницы.

Мы просим вашего срочного вмешательства.

В данном случае, в случае с Леонидом Плющом, речь идет уже не о сохранении здоровья, а о сохранении жизни.

Жена Л. И. Плюща очень просит принять участие в процессе психиатра Гарри Лобера (Лондон).

Плющ — (Т. Житникова), Т. Ходорович, Ю. Орлов

20 декабря 1974 г.

ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ НАДЗОРЕ

Стало известно, что Александр Гинзбург, бывший политзаключенный, проживавший в г. Таруса Калужской области под административным надзором, ныне от надзора освобожден. Ниже публикуется сентябрьское заявление Гинзбурга, содержащее важную информацию о характере положения поднадзорного. Есть сведения, что те притеснения, которые испытывал со стороны местной администрации Гинзбург, — типичны для положения поднадзорных.

Министру внутренних дел СССР Щелокову
Генеральному Прокурору СССР Руденко
от Гинзбурга Александра Ильича, Таруса,
Калужской обл., Лесной 5.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Направляя Вам это заявление, я делаю последнюю попытку защититься от произвола официальным путем.

В январе 72 г. я освобожден из тюрьмы после 5-летнего заключения по обвинению в «антисоветской пропаганде».

С февраля по август 71 г. находился под административным надзором в Тарусе.

Со времени освобождения не совершил ни уголовного преступления, ни административного правонарушения.

Тем не менее в апреле 74 г. тарусскими властями надо

мною вновь был установлен административный надзор на 6 месяцев. В постановлении указаны два основания для этого: перерыв в работе летом 73 г. на время менее 4-х месяцев (он был необходим мне по медицинским показаниям и для устройства жилья) и полученное в Москве в апреле 74 г. предупреждение о запрещении пребывания в Москве свыше 3-х суток подряд (я и уехал в конце 3-х суток).

Ограничения, наложенные на меня надзором, варьировались от смешных (запрещение посещать местный Дом культуры) до вполне злобных. Запрещение выезжать из Тарусы отрывало меня от семьи (мать, жена и полуторагодовалый сын живут в Москве), а вместе с запрещением покидать дом после 8-ми вечера не давало мне возможности нормально работать. Запрещение посещать в любое время дня т.н. ресторан (практически единственное место в Тарусе, где можно получить питание, близкое к диетическому) было прямым ударом в живот. В результате в начале мая 74 г. я попал в больницу с обострением язвы 12-перстной кишки, осложненными болезнями печени и поджелудочной железы.

Тарусский прокурор Юлин не только санкционировал установление надзора, но и старался в разговоре со мной объяснить, что в моем случае, после осуждения за «особо опасные государственные преступления», вторичный надзор может быть установлен и без всяких «дополнительных» оснований.

Калужская прокуратура не ответила на обе мои жалобы, направленные туда в апреле и июне 74 г.

К бесчеловечным условиям надзора добавились неоднократные попытки наказать меня в административном порядке. В мае меня вызвали в местную милицию прямо из больницы (знали, что я там нахожусь) для выяснения, почему я не хожу к ним по понедельникам отмечаться. Этого показалось мало, и «материалы» были направлены в суд для наложения штрафа. В суд меня тоже потянули из больницы (прямо после процедур), но судья Кречетова все же не оштрафовала — нелепость претензий была очевидна.

В июне ко мне переехала на лето семья, и через две не-

дели явились начальница паспортного стола Кузикова и участковый Деев и составили на жену протокол. Хотя приехавшие с проверкой и застали жену и ребенка больными, о чем она и написала в протоколе, ее вызвали на административную комиссию города и оштрафовали на 10 рублей. В другой раз устроили налет (те же Кузикова и Деев) на проживающую в течение 2-х дней (!) «непрописанную» тещу, приехавшую навестить внука. Ну здесь уж, правда, ничего со штрафом не вышло, хотя и пытались. Соседи смеются: и сколько, мол, здесь живем, ничего похожего не видели, летом пол-Тарусы непрописанных дачников живет, а здесь на родственников «облавы». Или приходит надзирающий милиционер Кузиков с провокационными заявлениями: «Во время моего последнего посещения Вы прятали на чердаке непрописанных» или «Вас видели поздно вечером катающимся на лодке». Я-то привык к подобным выходкам, а на членов моей семьи они действуют болезненно — после «визита» Кузиковой тещу пришлось отправить в Москву с сердечным приступом.

Я неоднократно обращался в милицию за разрешением однодневной (с возвращением в тот же день) поездки в Москву и постоянно получал издевательские отказы. В результате — на 2 недели задержались с приездом жена с сыном, полтора месяца не было своей кровати у ребенка. Я лишен возможности пройти ежегодную проверку в московской клинике, где меня лечили в прошлом году и откуда мне в августе был прислан официальный вызов на проверку. Притом нуждаюсь я не только в проверке, но и в лечении, что подтверждено заключением тарусской больницы, где мои болезни лечить не берутся (сразу после того как я выписался из местной больницы, с моей матерью, а потом с женой специально беседовали работники больницы, объясняя им, что мне необходимо лечь в калужскую больницу).

Я не случайно назвал отказы в выезде издевательскими. В большинстве случаев сотрудники милиции, отказывая мне, приговаривали, что, мол, «не обязаны аргументировать отказ» (начальник милиции Володин, надзирающий милиционер Лунев). Но дважды я получил «развернутый» ответ от

заместителя начальника милиции Беспалова. Для «решения вопроса о возможности поездки» к врачам с меня требовали справку с места работы. Причем оба раза такие резолюции накладывались на следующий день после того, как по «распоряжению» (может быть, у них это называется «советом» или «настоянием» — не знаю) милиции меня увольняли с очередного места работы, куда я с трудом устраивался.

В июне, после больницы по совету врачей и в связи с невозможностью в поднадзорном положении продолжать работу, которая была связана с выездами за пределы Тарусы и с занятостью вечерами, я уволился с должности разъездного радиомастера и устроился на соседнюю турбазу лодочным сторожем — на летний сезон со сменной работой. Пока лодки не были спущены на воду и нас использовали ежедневно на разных тяжелых работах, это устраивало тарусскую милицию. Но через месяц, в день, когда мне надо было заступать на смену, меня уволили с формулировкой «в связи с окончанием временной работы».

В течение дальнейших полутора месяцев мне несколько раз отказывали в приеме на работу, причем, как правило, после того как я сообщал в милицию (по их настояниям), куда я устраиваюсь.

В частности, в августе я решил пойти в тарусское автотранспортное предприятие, чтобы получить специальность шофера, постоянно требующуюся в Тарусе. Я договорился в отделе кадров, прошел медицинскую комиссию, собрал необходимые документы, сообщил об этом в милицию, и, когда я пришел для окончательного оформления, мне отказали, даже не взглянув на документы, под тем предлогом, что «больше никого принять не могут». После этого туда приняли еще 5 человек (приняли бы и больше, да желающих не оказалось).

При этом, начиная с июля, сотрудники милиции неоднократно пытались заставить меня подписать «предупреждение о трудоустройстве», где я должен был расписаться в «злостном уклонении от работы». Видимо, представить меня злостным тунеядцем — и является целью всех этих помех в трудоустройстве.

Особенно наглядно это проявилось в последний раз. 15 августа я устроился на такую работу, какую выполнял в лагере и имею теперь соответствующую квалификацию. Я должен был шить рабочие рукавицы на своей швейной машинке. Вмешательство милиции началось с запрещения выезда в Серпухов — ближайший город (37 км.), где я мог бы купить необходимую мне для работы электрическую машинку. Пришлось моей матери, пожилому, больному человеку, везти ее из Москвы на руках. А на автостанции, где я встречал мать, везущую машинку, начальник отдела кадров сообщила мне, что меня сократили. При этом, сокращая меня, не удосужились ни спросить об этом местком, ни предупредить меня о предстоящем увольнении — в общем, поторопились уволить, нарушив все существующие на этот счет законы. И в этот же день ликующий Беспалов потребовал с меня справку с места работы (это была резолюция на моем заявлении с просьбой разрешить мне поехать в Москву в клинику, заявление я подал за 4 дня до этого).

Несколько дней назад, следуя совету местного прокурора Юлина, я решил добиваться через суд восстановления на работе. Но тарусский судья Кречетова ушла в отпуск, и месяц ее будет замещать судья из соседнего города Ферзиково. Я обратился в милицию с просьбой разрешить мне поездку в Ферзиково к судье. Мне было отказано. Заявление я послал по почте, но, учитывая весь предыдущий опыт, на ответ не рассчитываю.

При всех обращениях в милицию я наталкивался на волокиту (ни разу не получил ответа в то время, на которое он мне был обещан, за каждым ответом приходилось заходить по нескольку раз) и неоднократно — на прямую ложь. Характерен случай с покупкой швейной машинки. Беспалов в течение нескольких дней морочил мне голову, что, мол, сначала он узнает через своих «товарищей», есть ли в Серпухове машинки. Через 4 дня он «выяснил», что машинок нет. (Я звонил из Тарусы в магазин, машинки были и есть до сих пор). Прокурору Юлину тот же Беспалов потом объяснил, что не пустил меня, опасаясь, что я уеду в Москву. И так

не раз — мне говорилось одно, прокурору — другое, судье — третье.

Тарусская прокуратура в моем случае, видимо, бессильна. Прокурор здесь волен высказать мне или сотрудникам милиции мнение о незаконности тех или иных их действий, но изменить ничего не может. Скажем, в случае, когда мне не разрешили поехать в клинику в Москву, прокурор пытался вмешаться и даже был уверен, что после этого препятствий не будет, но вынужден был отступить, как только тарусская милиция свалила запрет на Калужское УВД.

Меня все это не удивляет. Я видел сотрудников органов ВД в самых разных обстоятельствах. Но больше всего, пожалуй, запомнился мне подгулявший лагерный надзиратель, не пускавший нас, заключенных, в уборную.

Не кажется ли министру ВД, что пора прекратить его ведомству равнение на этого надзирателя?

Не кажется ли Генеральному Прокурору, что надо бы защитить законы нашей страны от распоясавшихся «хранителей общественного порядка»?

Я считаю, что, независимо от личного отношения министра ВД и Генерального Прокурора к происходящему, произвол тарусской милиции должен быть прекращен, а виновные в нем и попустительствующие ему — наказаны.

Я же оставляю за собой право информировать обо всех фактах произвола тарусских властей всех, кого сочту необходимым.

27 сентября 74 г.

А. Гинзбург

ОСУЖДЕНА ВАЛЕНТИНА ПАЙЛОДЗЕ

В конце июня 1974 г. народный суд в г. Тбилиси осудил к 1,5 годам лишения свободы Валентину Пайлодзе по обвинению в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй, и в посягательстве на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов.*

---

* В вып. 8 «Хроники защиты» ошибочно: Палоидзе.

Согласно сообщениям, поступившим из Грузии, во время следствия и суда над Пайлодзе было допущено много процессуальных нарушений.

Стал известен фрагмент текста обвинительного заключения по делу Пайлодзе. О характере обвинения в этом тексте говорится:**

«Письма, распространенные обвиняемой Пайлодзе, оскорбляли создателя Компартии и государства, руководящих работников, клеветали на советский общественный строй и народ, призывали общество к пассивному сопротивлению, призывали молодежь не служить в Советской Армии, оставить высшие учебные заведения, не участвовать в праздновании седьмого ноября, не выносить на парад портреты вождя и руководителей партии, порвать партийные и комсомольские билеты».

Сообщается также:

«В предъявленном обвинении В. С. Пайлодзе не признала себя виновной и показала, что ни одно анонимное письмо она не писала, не распространяла ложные сведения, порочащие советское государство и общественный строй, и не вела пропаганду религиозных обрядов с целью давления на личность и права граждан».

ДЕЛО О КОНФИСКАЦИИ БАПТИСТСКОЙ ТИПОГРАФИИ

Уже сообщалось («Хроника защиты» 12), что в Латвии власти конфисковали устроенную баптистами типографию и арестовали семерых сотрудников этой типографии. Ниже публикуется текст издаваемого Советом Церквей евангельских христиан-баптистов «Братского листка» (№ 5, 1974 г.).

** Редакция располагает русским текстом; возможно, что это — перевод с грузинского.

НАШИ ХОДАТАЙСТВА

«Возлюбленные братья и сестры! Печальная новость, которую мы должны сообщить вам, вряд ли не отзовется болью в сердце каждого, кто любит дело Господне и Его святую Церковь.

В результате преследования нанесен ущерб работе нашего дорогого издательства «Христианин». 24 октября сего года в 7 часов утра по сигналу сирены огромный отряд КГБ и милиции окружил в Латвии лесной хутор, где находилась одна из типографий издательства. (Перед этой операцией над домом несколько дней подряд кружил вертолет.) В итоге арестованы сотрудники типографии: 2-е братьев и 5 сестер; конфискованы собственноручно изготовленная печатная машина, свыше 9-ти тонн бумаги, приобретенной на добровольные пожертвования всего народа Божия, а также около 15-ти тысяч отпечатанных Евангелий и другие материалы.

Арестованные друзья наши, находясь в течение дня в отдельной комнате этого же дома, чувствовали себя очень бодро, молились, славил Господа пением, сознавая, что совершали самый полезный и святой труд. Они условились также о трехдневном посте в тюрьме.

Мы знаем, что и этот печальный случай произошел не без воли Божьей. Но вместе с тем, пусть всякий, кто прямо или косвенно связан с подобным служением, требующим особой серьезности, а главное, Божьей охраны, искренне смиряясь, спросит себя: «Не я ли, Господи, неаккуратным словом; не я ли, радуясь успеху, был излишне откровенным; не я ли, трудясь без усердных молитв об охране Божьей, подверг опасности дело Его?»

Все вместе будем учиться святому хождению и обретать чувство высокой ответственности и благодарного благоговения пред Богом за доверенное Им служение, будучи уверенными, что и это событие приведет к еще большей ревности и жертвенной отдаче на служение Ему. (2 Фес. 1, 11).

В связи с арестом сотрудников типографии Совет Церквей направил 25 ноября этого года на имя руководителей нашего

государства Подгорного Н. В. и Косыгина А. Н. нижеследующий документ:

З А Я В Л Е Н И Е

Как Вам известно, 24 октября сего года в Цесисском районе Латвийской ССР Комитетом госбезопасности арестованы 7 сотрудников типографии издательства «Христианин», конфискованы печатная машина, 15 тысяч экземпляров отпечатанных Евангелий и около 9 тонн бумаги.

Это событие рассматривается христианами как акт вопиющей несправедливости и вызывает чувство глубокой горечи у всех верующих граждан, которые лишь вследствие крайне бесправного положения, в какое поставлены церковь и верующие нашей страны, вынуждены были изыскивать способы и возможности обеспечения себя необходимой духовной литературой.

С этой нуждой верующие ЕХБ неоднократно обращались ранее в центральные государственные органы, но все было безрезультатно. А когда созданное усилиями и усердием верующих издательство «Христианин» 5 июня 1971 г. обратилось к Вам с просьбой не чинить препятствий его работе и считать выпускаемую им религиозную литературу легальной, тогда, как нам стало известно, органам КГБ было отдано распоряжение о поисках издательства с целью его ликвидации, что и осуществлено теперь в отношении одной из его типографий.

Эти действия являются незаконными и несправедливыми по следующим причинам:

1. Бумага для печатания религиозной литературы приобретена на добровольные денежные пожертвования верующих ЕХБ.

2. Право на конфискацию литературы в каждом конкретном случае определяется фактом ее содержания. Конфискации может подлежать лишь литература, носящая клеветнический, антиобщественный или антигосударственный характер. Отпечатанные Евангелия никоим образом не могут быть отнесены к таковой и потому конфискации не подлежат.

3. Вся деятельность типографии осуществлялась аресто-

ванными ее сотрудниками не с целью наживы или извлечения доходов и поэтому не может считаться незаконным промыслом. Литература издавалась на поступающие для этого добровольные пожертвования верующих и среди них же безвозмездно распространялась.

4. Печатная машина изготовлена собственноручно верующими и не является государственной или иной чьей-либо собственностью.

5 В силу существующих в нашей стране законов об отделении церкви от государства, церковь имеет право издавать свою литературу независимо от государства. А предусмотренное законом право граждан на отправление культа, естественно, включает и право издавать и распространять культовую литературу.

Эти права предоставлены также и принятыми 16 декабря 1966 г. XXI сессией ООН международными Пактами о правах, ратифицированными Президиумом Верховного Совета СССР в сентябре 1973 г.*

Кроме того, это право провозглашено и Всеобщей декларацией прав человека, 19 пункт которой гласит:

«Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

Евангелие, выпуском которого занималось издательство, — это добродетельная Истина, содержащая высокие морально-этические принципы, распространение которых не только не вредит обществу, но содействует улучшению нравов и, уж конечно, не представляет опасности для общества и государства.

Учитывая изложенное, от имени всех верующих ЕХБ, просим Вас отменить все санкции, связанные с делом издательства «Христианин»:

1. Освободить всех сотрудников типографии.

---

* См.: «Ведомости Верховного Совета СССР» 1973 г. № 40, стр. 564.

2. Возвратить печатную машину.

3. Возвратить 15 тысяч экземпляров Евангелий, запас бумаги (около 9 тонн) и прочие материалы и приспособления.

Одновременно с этим Совет Церквей направил правительству еще одно заявление, текст которого мы также приводим:

Многочисленные письма и заявления, в течение уже 13-ти лет направляемые верующими ЕХБ в адрес центральных органов власти, свидетельствуют о неослабном стремлении десятков тысяч верующих быть свободными от разрушительного вмешательства партийных и государственных органов во внутрицерковную деятельность и религиозную жизнь верующих граждан. С юридической и моральной точек зрения стремление это вполне правомерно.

Однако это законное требование игнорируется, а ставшая на путь независимости церковь ЕХБ жестоко подавляется государственными органами, и главным образом — Комитетом госбезопасности.

Список служителей, осужденных к длительным срокам заключения, давно уже превысил тысячу человек и продолжает расти. Особенно подвергается преследованию избранное церковью руководство — Совет Церквей ЕХБ. Двое членов СЦ ЕХБ Батурин Н. Г. и Румачик П. В. осуждены в третий раз.

Сейчас готовится, так же не первый, суд над секретарем СЦ ЕХБ Винсом Г. П. Уже сам арест Винса Г. П., произведенный КГБ в марте с.г., является вопиющим нарушением законов государства. Что же касается готовящегося процесса, то, если он приведет к осуждению Винса, — это будет новым актом грубого подавления свободы совести верующих.

Вряд ли есть необходимость напоминать, что такие действия партийно-государственных органов явятся новым препятствием в деле нормализации отношений между церковью и государством.

Просим Ваших указаний о немедленном освобождении членов СЦ ЕХБ Винса Г. П., Румачика П. В., Батурина Н. Г. и об освобождении и реабилитации всех верующих, под-

вергшихся незаконному преследованию, о чем мы ходатайствовали своим заявлением от 17 сентября 1973 г.

С уважением Совет Церквей ЕХБ

24 ноября 1974 г.

В глубоком смирении будем молиться и ходатайствовать о наших друзьях, веря, что Бог, неизменный в Своих обещаниях, услышит нас и по милости к нам еще более умножит Свою помощь и дело служения Ему благословит. «Да прославится имя Господа нашего Иисуса Христа в вас, и вы в Нем, по благодати Бога нашего и Господа Иисуса Христа» (2 Фес. 1, 12). Аминь.».

РЕЧЬ ЧАЛИДЗЕ О РАЗРЯДКЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ*

В последние годы многие возлагали надежды на разрядку напряженности в отношениях между Советским Союзом и Соединенными Штатами. У меня есть сильное впечатление, что после трудностей, вызванных двусмысленностью устной дипломатии, эти надежды на некоторое время ослабнут.** Однако хотелось бы надеяться, что процесс разрядки напряженности будет продолжаться. И я говорил бы так, даже если бы меня не волновала общая ситуация в мире, даже если бы я интересовался одним только вопросом — защитой прав человека в СССР.

Хотя многие огорчены тем, что процесс разрядки напряженности связан с поиском компромисов и даже с уступками в области моральных требований к партнеру, однако я полагаю, что разрядка напряженности полезна для развития международной защиты прав человека в любой стране прежде всего потому, что процесс разрядки — это дискуссия, а, напротив, углубление напряженности делает неконструк-

---

* Эта речь произнесена 16 января на обеде, устроенном Ассоциацией американских издателей по случаю издания английского перевода книги Чалидзе «Права человека и Советский Союз».

** 14 января 1975 г. было объявлено о том, что СССР расторг торговое соглашение с США 1972 года.

тивной любую мирную дискуссию, в том числе дискуссию по проблемам гуманности.

Однако никакая дискуссия, никакие попытки достичь разрядки напряженности не будут конструктивны, если говорить на разных языках, если не понимать друг друга. И поэтому важно помнить, что в Советском Союзе многие понятия в социальной области означают нечто совсем иное, нежели это привычно тем, кто пользуется традиционным понятийным языком западной цивилизации и традиционной шкалой ценностей.

Я говорю это теперь, потому что та книга, о которой идет речь здесь, посвящена прежде всего иллюстрации того, сколь оригинален советский понятийный язык, особенно в области права. И я говорю это в связи с проблемой разрядки напряженности, ибо если дискуссия ведется на разных понятийных языках, с разными шкалами ценностей, то это не только неконструктивно, но и опасно.

Я вспоминаю, как американский математик Норберт Винер иллюстрировал трудности, которые ждут человечество в общении с компьютерами, ибо может оказаться, что компьютер использует иную шкалу ценностей, чем человек. Винер рассказал случай из старой английской сказки (я помню его приблизительно): одна женщина стала обладательницей волшебного талисмана, такого, что любое ее желание могло быть осуществлено. Это была бедная женщина, и она пожелала получить десять фунтов. Ее желание исполнилось немедленно: к ней пришел почтальон с сообщением, что ее сын погиб на войне, и в качестве возмещения она получила десять фунтов.

Это, конечно, очень жестокий пример; наш век, казалось бы, не должен быть столь жесток, но согласитесь, что довольно жесток и недавний пример не из сказки. Несколько государств договариваются о невмешательстве во внутренние дела друг друга и о неприменении силы в отношениях друг с другом — я имею в виду Варшавский договор 1955 г. А потом, в 1968 году, оказывается, что можно ввести войска в одну из этих стран, сменить руководство, но при этом просто не называть это вмешательством во внутренние дела

и применением силы, а называть это «оказанием братской помощи» — и договор как будто не нарушен.

Или можно ратифицировать международную конвенцию о запрещении принудительного труда, а потом под угрозой служебных неприятностей заставлять городских жителей добровольно ездить в колхозы на уборку урожая. С наименьшим удобством можно, оказывается, ратифицировать Конвенцию о борьбе с дискриминацией в области образования, а потом лишать родительских прав тех баптистов, которые дают детям религиозное воспитание. Правда, Конвенция предусматривает право родителей воспитывать детей в соответствии с их собственными религиозными убеждениями, но ведь если родитель лишен советским судом родительских прав, то получается, что он уже как бы и не родитель и на него не обязательно распространять гарантии Конвенции.

Все это — далеко не единичные примеры того, как используется методика подмены понятий в области права. Члены московского Комитета прав человека писали в 1971 году: «...Бесчинство силы, нарушающей права, обычно сопровождается подменой понятий в рассуждениях о праве. Чем больше бесчинствует сила, тем глубже укореняются в сознании поколений, подвластных ей, намеренно искаженные представления о правах». За полвека советская методика подмены понятий, методика использования оригинальной логики разработана весьма совершенно. Очень важно изучать эти методики, этот оригинальный язык деформированных понятий — иначе невозможно никакое взаимопонимание.

В частности, поэтому так важна для западной цивилизации теперешняя активность многих западных интеллигентов и даже политических деятелей в области защиты прав человека в СССР. Эта активность важна и тем, что, оказывая моральную поддержку советским правозащитным деятелям, западная публика содействует тому, чтобы Советский Союз постепенно превращался в государство с **открытым обществом**, обществом с действительными гарантиями свободы информации и путешествий. Я думаю, хорошо понятно, что такое превращение дало бы более обоснованную надежду

на сохранение мира, чем любые договоры о сокращении числа ракет.

Конечно, интерес западной публики к правам человека в СССР важен и для конкретной помощи страдающим людям. Недавние примеры освобождения Сильвы Залмансон и Симаса Кудирки укрепляют надежду на то, что советские руководители способны проявлять гуманность и добрую волю, и очень важно побуждать их к дальнейшим проявлениям такой доброй воли. В Советском Союзе много людей страдают в заточении в наказание за то, что они предпочли быть свободными. Запад не обязан помогать этим страдальцам — на Западе много своих проблем. Но Запад поступит разумно, если будет помогать им.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

■ В конце февраля в г. Тарусе Калужской обл. арестован Анатолий Марченко по обвинению в злостном нарушении правил административного надзора. Марченко ранее неоднократно подвергался политическим репрессиям и известен как автор книги о советских местах заключения «Мои показания». (Подробнее о нем см. след. выпуск.)

■ 22 января на квартире члена Инициативной группы по защите прав человека в СССР Татьяны Ходорович сотрудниками КГБ был произведен обыск и были изъяты различные печатные и машинописные материалы. Татьяна Ходорович — бывший научный сотрудник Института русского языка Академии наук — известна как активный деятель правозащитного движения в СССР; весной прошлого года Татьяна Ходорович совместно с Татьяной Великановой и Сергеем Ковалевым сделала заявление в связи с возобновлением издания «Хроники текущих событий». Недавние выступления Татьяны Ходорович посвящены защите украинского математика Леонида Плюща, который содержится в Днепропетровской психиатрической больнице, а также защите московского биолога Сергея Ковалева, арестованного, как сообща-

лось, в связи с делом об издании «Хроники Католической Церкви Литвы».

■ Согласно сведениям, исходящим из посольства СССР в ФРГ, советский политзаключенный Петр Старчик, помещенный в 1972 г. в Казанскую специальную психиатрическую больницу, 9 июля 1974 г. был освидетельствован центральной судебно-медицинской комиссией, которая приняла решение об изменении формы принудительного лечения с переводом Старчика в психиатрическую больницу общего типа. Неизвестно, был ли осуществлен этот перевод, и неизвестно, находится ли Старчик до сих пор в больнице.

■ В конце февраля в Югославии к 7 годам лишения свободы был осужден известный публицист Михаил Михайлов по обвинению в антиправительственной пропаганде.

Известны западные выступления в защиту Михайлова. Находящиеся в эмиграции русские писатели Владимир Максимов, Андрей Синявский, Виктор Некрасов и Александр Галич опубликовали заявление протеста в связи с преследованиями Михайлова.

■ Немецкий писатель Генрих Бёлль и академик Андрей Сахаров обратились к Генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу и председателю Совета Министров СССР Косыгину с призывом к амнистии политзаключенных. В обращении упоминаются, в частности, Марамзин, Буковский, Мороз, Плющ, Светличный, Хаустов, Ковалев, а также находящиеся в заключении лица немецкого происхождения, осужденные в связи с их желанием эмигрировать в ФРГ: Петер Бергман, Вальдемар Шульц, Фридрих Шнарр, братья Клинк и другие. Бёлль и Сахаров также обратили внимание советских руководителей на положение политзаключенных-женщин в Мордовском лагере и призвали освободить их.

■ Согласно сообщениям западной прессы, 20 февраля сотрудниками КГБ был произведен обыск на квартире священника Дмитрия Дудко, как предполагают, по делу Осипова.

Отец Дмитрий Дудко ранее был отстранен от служения в церкви Святителя Николая в Москве («Хроника защиты» 9, 10); теперь он продолжает свою пастырскую деятельность в церкви Рождества в деревни Кабаново, близ г. Орехово-Зуево.

■ Согласно сообщению израильской прессы, находящийся во Владимирской тюрьме политзаключенный Юрий Вудка объявил голодовку, протестуя против нарушения его права на переписку. Юрий Вудка был осужден в 1970 г. в Рязани на 7 лет лишения свободы по обвинению в антисоветской агитации и организационной деятельности с этой целью (см. «Хроника» 14, 16).

■ Пресвитер Киевской баптистской общины Георгий Винс приговорен к 5 годам лишения свободы с последующей ссылкой на 5 лет по обвинению в посягательстве на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов.

Известны многочисленные выступления в защиту Георгия Винса. В частности, в его защиту выступил Генеральный секретарь Мирового Совета Церквей Филип Поттер.

■ Известные английские писатели, в том числе Виктор Причет, Питер Элступ, Кетлин Нот, Джон Пристли и другие, выступили в защиту Валентина Мороза. Авторы обращения отмечают, что дело Валентина Мороза, недавно избранного почетным членом английского Пенклуба, является одним из наиболее вопиющих примеров преследований писателей только за убеждения и идеи, высказанные в их произведениях. В заявлении говорится, что предоставление Валентину Морозу и его семье возможности выехать за границу явилось бы компромиссным решением для советских властей (в прошлом году Гарвардский университет направил Морозу приглашение прибыть в США).

■ Согласно сообщениям из Грузии, в г. Очамчире осужден пресвитер местной общины баптистов-инициативников В. М. Ильинов.

ПРИЛОЖЕНИЕ*

ПОСОБИЕ ПО ПСИХИАТРИИ ДЛЯ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ

*ЛЕНЕ ПЛЮЩУ — жертве психиатрического террора
посвящается*

Пушкин: Ты сам сумасшедший!

Чаадаев: Почему я сумасшедший?

Пушкин: Ты понимаешь равенство,
а сам в рабстве живешь.

Чаадаев (задумываясь): Отсюда
ты прав: я сумасшедший.

А. Платонов «Ученик лицея»

Introduction

В настоящее время общеизвестно большое число случаев признания dissidents в СССР душевнобольными, и есть основание опасаться еще более широкого применения этого метода. Объяснить такое явление несложно. С одной стороны, метод этот весьма удобен для власти — он позволяет лишать свободы на неограниченно долгий срок, строго изолировать, применять психофармакологические средства для «перевоспитания», затрудняет борьбу за гласность судопроизводства, за освобождение таких лиц, поскольку даже у самого объективного, но незнакомого с таким больным, человека всегда остается сомнение в его психической полноценности, лишает жертву этого метода преследования даже тех немногих прав, которые имеет заключенный, дает возможность дискредитировать идеи и поступки dissidents и т.д. и т.п.

Однако есть и другая, не менее важная сторона. Будучи, как правило, хорошо подготовленными юридически, чтобы не допускать ошибок на следствии и суде, dissidents оказывались абсолютно беспомощными перед лицом квалифицированного психиатра, имеющего установку сверху признать их невменяемыми. Все это не могло не породить нового

---

* Текст печатается в точном соответствии с полученной копией, без поправок.

страха и растерянности в среде dissidents, что явилось причиной неожиданных «раскаяний» и отречений последнего времени. Таким образом, страх перед преследованием, рассеянный знанием закона и умением его применять, возродился вновь в лице судебной психиатрии. Распространилось настроение обреченности, невозможности бороться с таким методом преследования.

Все это делает необходимым обобщить в едином пособии известный опыт многих экспертиз и основные положения психиатрической теории в объеме, нужном для правильного поведения, которое давало бы как можно меньше поводов для признания подэкспертного невменяемым. Авторы данной работы, бывший «душевнобольной» и бывший психиатр, надеются, что, объединив опыт с профессиональным знанием предмета, им удастся сделать настоящую работу полезной для достижения указанной цели.

Пособие отнюдь не претендует на исчерпывающий анализ проблем психиатрической науки, некоторые моменты сознательно упрощены, т.к. пособие рассчитано на самого широкого читателя.

Правовая часть (схематически)

Вы можете встретиться с психиатром и без вашего на то согласия в таких трех случаях:

1. Принудительное обследование или принудительная госпитализация в рамках медицинских нормативных положений.

Ваши убеждения, высказываемая общественная позиция, поступки или знакомства стали причиной пристального внимания к вам со стороны оперативной группы КГБ. В силу каких-либо объективных обстоятельств возбуждение уголовного дела против вас нежелательно. В этом случае КГБ (часто не прямо, а используя милицию, прокуратуру, советскую инстанцию, доверенных лиц и т.д. и т.п.) сообщает о вас в медицинские учреждения, как о, по их предположению, душевнобольном, указывая при этом основания интереса к вам.

Психиатр поликлиники, диспансера, больницы или го-

родской станции скорой помощи должен вас в этом случае обследовать и, если считает необходимым, госпитализировать в психиатрическую больницу общего типа.

Такое психиатрическое обследование может быть проведено на дому, по месту работы или «происшествия», в камере предварительного заключения, в надлежащем учреждении либо в другом месте.

Если психиатр находит, что у вас уже есть признаки болезни в степени, не требующей наблюдения и лечения в психиатрическом стационаре, то вас возьмут на учет в психиатрическом диспансере или психиатрическом кабинете поликлиники. В психиатрическую больницу общего типа вас могут поместить по следующим показаниям: 1) психическое расстройство, сопровождающееся опасностью для себя; 2) психическое расстройство, сопровождающееся опасностью для окружающих; 3) психическое расстройство, квалификация которого возможна лишь при стационарном обследовании; 4) выраженное психическое расстройство, успешное лечение которого невозможно в амбулаторных условиях; 5) состояние «острого психоза» (т.е. то, что в простонародье называют буйством).

Снятие с амбулаторного психиатрического учета или выписка из стационара зависят формально только от медицинских показаний (т.е. от врача-психиатра).

Если ваше состояние определено врачом как болезненное, отправка (в условиях психиатрического стационара) и разбор ваших жалоб, заявлений, ходатайств и писем целиком зависят от профессиональной грамотности и совести врача, т.к. законом возложены на него. Родственники, знакомые и иные заинтересованные лица могут обращаться с просьбами и претензиями, касающимися вас, в медицинские инстанции (гл. психиатру СССР, республики, области, края, города, района).

В психиатрической практике, как и в любой форме человеческой деятельности, не исключены ошибки; закон не определяет наказуемость врача за профессиональную ошибку.

Это положение может быть использовано властями для объяснения принудительной госпитализации, затем оказавшейся неосновательной. По этой же причине малокомпетентный или морально неустойчивый психиатр может дать неправильное заключение о вашем психическом состоянии без всякого ущерба для себя в будущем.

2. Судебно-психиатрическая экспертиза после возбуждения уголовного дела. После избрания по отношению к вам меры пресечения (как правило, арест) органы следствия или прокуратуры могут направить вас на судебно-психиатрическое исследование. Для этого составляется документ с изложением ваших высказываний или поступков, вызвавших сомнение в вашем психическом здоровье.

Обычно следователь (или прокурор) не объявляет о таких сомнениях и не показывает соответствующих документов. Не объявляет он и о самом факте предстоящего экспертизирования, ни о сроках и месте его.

Судебно-психиатрические исследования производятся врачами-психиатрами комиссионно (не менее трех человек). Вас могут подвергнуть таким видам судебно-психиатрической экспертизы: 1 — амбулаторной, 2 — стационарной.

Амбулаторная экспертиза обычно проводится в медицинском учреждении или в помещении следственного изолятора; ее длительность — от нескольких минут до нескольких часов.

Стационарное экспертирование производится в психиатрических стационарах (институт судебной психиатрии им. проф. Сербского в Москве; экспертные или обычные «острые» отделения психиатрических больниц общего типа, психиатрические отделения тюремных больниц).

Срок стационарной экспертизы законом не оговорен, обычно ее продолжительность от недель до нескольких месяцев.

Решение экспертной комиссии вам, скорее всего, не объявят, если вы будете признаны невменяемым. С этого момента к вашему делу допускается адвокат, а вас, скорее всего, отстранят от участия в следственных действиях.

Закон допускает производство повторной и дополнительной экспертиз, их число не ограничено. На следователя (или прокурора) возложен выбор единственно правильного экспертного заключения, если мнения экспертных комиссий расходятся.

Обычно невменяемый в зал суда не приглашается и судебное определение по его делу ему не объявляют.

Иногда экспертиза производится в суде. По сути она ничем не отличается от обычной амбулаторной. По решению суда могут быть приостановлены судебные действия в связи с направлением подсудимого на стационарную экспертизу. Вид больницы (общего типа или специальная психиатрическая больница МВД), куда направляется невменяемый, определяет суд. Такой вариант определения судом, как наблюдение психиатром по месту жительства без принудительной изоляции, к сожалению, маловероятен.

3. Если вы свидетель по чьему-либо делу, также возможно амбулаторное принудительное экспертирование. В этом случае формальный повод связан с возникшим у следователя (прокурора, суда) сомнением в вашей способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания. Стационарное экспертирование в этом случае возможно только с вашего на то согласия (надеемся, что вы его не дадите).

Нотариальное право представляет вам возможность в порядке обеспечения доказательств заблаговременно запастись объективными заключениями психиатров о вашем психическом состоянии. По вашей письменно заявленной просьбе нотариус вынесет постановление о назначении экспертизы с указанием ее вида и места проведения. Вам остается только одно — оплатить этот формальный вид нотариальной помощи и сделать все необходимое, чтобы в случае ареста и попыток признать вас душевнобольным это психиатрическое заключение о вас стало общеизвестным. (см. Положение о государственном нотариате РСФСР, ст. 66, 67 и «Инструкция о порядке совершения нотариальных действий и государственных нотариальных конторах РСФСР», пп. 139-146).

Общие сведения о психиатрии

«Где не хватает нам понятий, на место их приходят вовремя слова» (Гете «Фауст»). Принципы деятельности человеческого мозга до сих пор неясны. Нейрофизиология и другие конкретные науки о мозге пока не в состоянии понять «психическое» явление психической патологии. Столь же загадочны и мало уложимы в строгие рамки системной науки понятия здоровья и болезни; расплывчатость понятий, характерная для медицины вообще, особенно выражена в психиатрии. Сумасшествие рассматривают и как биологическую, и как социальную (историческую, философскую, правовую) проблему.

В целом, в современной психиатрии нет обоснований к применяемой системе категорий, даже классификации болезней психики. Так, на диагностическом симпозиуме в Ленинграде двадцать ведущих психиатров страны одному и тому же больному поставили двенадцать диагнозов.

Все психиатрические заболевания можно разделить на две группы: 1) псевдоопределенные, условно выделенные в самостоятельные формы из хаотического багажа фактов, накопленного за века; 2) истинные, с известной науке причиной и характерной динамикой. Если модель первых чисто риторическая, то вторые обоснованы конкретными научными открытиями, и модели их «демонстративны».

Основным методом психиатрического клинического исследования до сих пор остается субъективное наблюдение за испытуемым, за его поведением, речью, памятью и т.п. Наряду с этим используются опять же субъективные сведения об испытуемом, полученные от его окружающих, знакомых, родственников, официальные документы и прочее. Другие методы (лабораторные анализы, электроэнцефалографические исследования) имеют второстепенное значение.

Аморфность границ психической болезни не очень занимает практических врачей, так как лечение чаще определяется не диагнозом, а отдельными болезненными проявлениями.

В психиатрической теории нет общепризнанных эталонов «здоровья» и «болезни». Существует масса абстрактных

концепций, от философских... до кибернетических, абсолютно непригодных для психиатрической практики. И все же ежедневная деятельность врача невозможна без применения пусть условного эталона здоровья. Поэтому в практической психиатрии пользуются условным эталоном психического здоровья, удобным, простым и понятным, т.н. эталоном «рантье, стригущего купоны». «Рантье» — это человек «невысокого интеллекта, буржуа по своим вкусам; скорее цивилизованный, чем культурный, не желающий рисковать..., довольствующийся невысоким, но прочным общественным положением («с высоты больно лететь»), не увлекающийся; лишенный способности к какому-либо творчеству, оплот любой власти; путеводным маяком ему в жизни служит инстинкт самосохранения. Жизнь его однообразна, но зато спокойна: он считает свой жизненный стиль единственно правильным, самым мудрым и безопасным в океане невзгод, рытвин и катаклизмов нашего существования.

Концепция «рантье» не является научной, в советской психиатрической литературе ее не упоминают вообще. А практические врачи, хотя и не всегда сознательно, пользуются ею в своей ежедневной деятельности; разумеется, не как жестким, раз и навсегда определенным эталоном. (Ниже вы поймете, почему концепция «рантье» близка так называемому «среднему психиатру»).

Инакомыслие как проблема психиатрии

Свобода каждого из нас как личности ограничена интересами общества. Закон и мораль являются носителями таких ограничений. Поведение не нарушающее закон душевнобольного «глупое», «странное» и т.п., для общества нежелательное.

Защитой граждан от такого поведения и занимается психиатрия. Существование насильственной психиатрической госпитализации оправдано не только с точки зрения медицины, но и с социальной. И если «здоровье» — «это желаемое поведение», а «болезнь» — «нежелаемое», то социальная цель психиатрии состоит в превращении нежелаемого поведения в желаемое. Таким образом, насилие над психи-

чески больным индивидом оправдано ввиду пользы для общества. Это использование «зла во добро» стало причиной отпочковывания от классической психиатрии Запада «антипсихиатрического» течения.

«Антипсихиатры» заявляют: «Содержанием» психиатрической науки» является подавление революционного подсознательного во имя государства; история психиатрии есть история методов, с помощью которых общество добивалось исчезновения психического сопротивления против господствующих условий жизни».

Согласитесь, при аморфности категорий, при наличии множества «психиатрических научных школ» вполне возможно неправомерное расширение психиатрической компетенции.

А в условиях «социального заказа», практикуемого тоталитарным режимом того или иного государства, границы психиатрической нормы определяются скорее сиюминутной необходимостью, нежели по научным и историческим мотивам (сравните у «антипсихиатров»: психиатрия, выполняя заказ классового общества, всегда превращала революционеров в психопатов).

Использование в СССР в качестве карательной меры психиатрии зиждется на сознательном толковании инакомыслия (в известном смысле этого слова) как психиатрической проблемы. В монографии «Теория и практика судебно-психиатрической экспертизы» проф. Д. Р. Лунц утверждает, что любое противоправное деяние, именно в силу одной противоправности своей, подлежит психиатрическому анализу (чем не концепция «рантье»), обосновывая это тем, что в условиях социализма нет социальных причин для преступных действий. Капитализму Лунц оставляет преступность как явление, вытекающее из его социальной дисгармоничности.

Эскульпация, т.е. признание невменяемости инакомыслящих, в той или иной форме выражающих свое несогласие с отдельными моментами внутренней и внешней политики советского правительства, проводится целенаправленно. Для этого используются, в основном, для психиатрических диагнозов: вялотекущая форма шизофрении и паранойяльное

развитие личности. Остальные диагнозы почти не выставляют, т.е. в них инакомыслие не вписывается даже теоретически (к вашему счастью, иначе пришлось бы знакомиться с психиатрией в более полном объеме).

Вялотекущая шизофрения. Цитируем опытного эксперта профессора Тимофеева: «Трудностей в диагностике становится больше по мере изучения мягких и стертых форм шизофрении (т.е. вялотекущей шизофрении — Б. и Г.). Эти вопросы до сих пор остаются дискуссионными, т.к. некоторые психиатры не признают названной формы заболевания, другие говорят об их относительной самостоятельности». В другой работе Тимофеев утверждает: «Инакомыслие может быть обусловлено болезнью мозга, когда патологический процесс развивается очень медленно, мягко (вялотекущая форма шизофрении — Г.), а другие его признаки до поры до времени (иногда до совершения криминального поступка) остаются незаметными». Итак, проф. Тимофеев признает существование вялотекущей шизофрении: «Поскольку именно этому возрасту (20-29 лет — Б. и Г.) свойственны повышенная конфликтность, стремление к самоутверждению, неприятие традиций, мнений, норм и т.д., это является предпосылкой создания мифа о том, что некоторые молодые люди, которые в действительности больны шизофренией, напрасно помещаются в психиатрические больницы, что они содержатся там якобы потому, что думают не так, как все».

Под вялотекущей имеют в виду шизофрению, где все проявления болезни выражены в степени «едва», «мало». А таких явных симптомов, как наличие галлюцинаций, нет вообще. Вот наиболее характерные для нее симптомы (дано по учебнику для студентов медицинских институтов): замкнутость, вялость, снижение интереса к жизни, стертые явления пессимизма и меланхолии, сосредоточенность на внутренних переживаниях, неадекватные мысли и поступки, косность и несгибаемость убеждений, подозрительность и т.п. А если вы замкнутый человек, склонны к самоанализу, некоммуникабельны, если вы не желаете менять своих убеждений, т.к. не считаете их «беспочвенными», если объективно существующая за вами слежка, прослушивание те-

лефонных разговоров оценивается как «подозрительность», а то и «бред преследования», — вывод ясен... Не спасет вас и то, что вы успешно справляетесь со служебными обязанностями, с творческой работой, проявляете интерес к ней и даже «растете» в профессиональном отношении. Хотя формально наличие психической патологии не исключает вменяемости, ваша эскульпация будет предрешена.

По данным Института судебной психиатрии им. Сербского, примерно половина больных вялотекущей шизофренией признается дееспособной. Но нам не известны случаи признания шизофреника вменяемым. Опытнейший эксперт проф. Лунц считает целесообразным введение в гражданское законодательство понятия «ограниченной» или «частичной» дееспособности и сознательно совершает преступные эскульпации здоровых людей, ибо «каждый класс, каждая профессия имеет свою моральную этику». (Справка: ограничение дееспособности и вменяемости действительно необходимо; существуют как законодательные положения в юриспруденции всех культурных государств).

Паранойяльное развитие личности. Диагноз столь же спорный и неконкретный. Чтобы понять, что кроется за этой терминологической шапкой, необходимо знать следующее: 1) в психиатрии различают 3 вида идей (кроме обычной идеи): а) доминирующая идея — наблюдается у здоровых людей, охваченных каким-либо стремлением и всецело поглощенных вынашиваемой мыслью; б) сверхценная идея (патологическая) — это умозаключение, обычно рационального содержания, но необоснованно переоцениваемое в его значении. Объективно значение сверхценной идеи ничтожно в сравнении с субъективной оценкой ее индивидом; в) бредовая идея (патологическая) — это ошибочное умозаключение, не имеющее под собой реальной основы, не поддающееся переубеждению. Совокупность бредовых идей называют бредом.

2) Среди нескольких видов бреда нас интересуют два: А) бред реформаторства — улучшение условий жизни может быть достигнуто только путем пересмотра сложившихся

взглядов, соответственно его идее о перестройке действительности;

Б) бред сутяжничества — не соответствующее действительности убеждение, что его личные права индивида нарушаются, попираются; мотивы становятся «понятными», направляется много жалоб и заявлений с требованием восстановить «справедливость».

3) Психопатией называют патологическое развитие характера. Наряду с этим существуют и крайние варианты нормального характера — границы их с психопатией неопределенны, границы расплывчатые. В динамике психопатной рассматривают период компенсаций (в социальном отношении) и декомпенсаций.

Из всех групп психопатии нас интересует одна — паранойяльная психопатия. Она характеризуется подозрительностью, мнительностью, высокой степенью готовности к образованию сверхценных и бредовых идей; ригидным, односторонним, тугоподвижным(?) мышлением; длительным застреванием на переживаниях, связанных с незначительным событием. В конфликтной ситуации у паранойяльных психопатов возникают паранойяльные реакции. Из них со временем формируется паранойяльное развитие личности, то есть стройная система бреда, в нашем случае, сутяжничество или реформаторство.

Схема: возникает доминирующая идея, затем сменяется сверхценной, наконец — бредовой; развивается стройная (то есть внешне убедительная, но абсурдная) бредовая система, затем образуется систематизированный бред преследования с тенденцией переоценки собственной личности (все трактовки даны в соответствии с курсом психиатрии для студентов мединституты СССР). Как видите, доказательность этого вида психической патологии весьма относительна. И наоборот: попробуйте доказать, что ваши суждения об оккупации Чехословакии или об отсутствии в СССР демократических свобод — не ошибочные суждения, но имеющие под собой реальные основания... И что не является «бредом преследования» слежка за вами и вашими близкими. И субъективная ваша оценка внутривосточной жизни в

СССР отнюдь не ничтожна в сравнении с действительными фактами... И «освобождение» вас от занимаемой должности после того, как вы в числе других подписали «заявление протеста», является попирательством ваших прав... Эксперты из Института судебной психиатрии доктор мед. наук Печерникова и Косачев прямо указывают: «Наиболее часто идеи борьбы за правду и справедливость формируются у личностей паранойяльной структуры», или: «Сутяжно-паранойяльное состояние возникает после психо-травмирующих обстоятельств, затрагивающих интересы испытуемых, и несет на себе печать ущемленности правовых положений личности»; или: «Характерной чертой этих (сверхценных — Б. и Г.) образований является убежденность в своей правоте, охваченность отстаиванием «попраных прав», «значительность переживаний для личности больного»; или: «Судебное заседание они используют как трибуну для речей и обращений». А как оценить психиатрам психическое состояние Георгия Дмитрова, выступающего с речью на суде?.. И многих других общественных деятелей с их всепоглощающей верой в идеал и отказом от личной жизни?.. Быть осторожным, не очень умным, «себе на уме» — значит быть здоровым. А горе — от ума. Остается ввести в психиатрию официально новый вид психической патологии под названием комплекса Чацкого.

И последнее. Сам по себе диагноз паранойяльной психопатии и паранойяльного развития личности отнюдь не означает необходимость эскульпации. Так, по официальной статистике Института судебной психиатрии 95/5% признают вменяемыми. Но это — в теории. С инакомыслящими — статистика иная, она не публикуется. Печерникова и Косачев, подробнейшим образом описав «картину» сутяжно-паранойяльного развития, «забыли» сообщить проценты эскульпированных «параноиков-сутяг».

Психология психиатра

XX век поставил перед нами проблему коммуникабельности. Сегодня с трудом понимают друг друга представители разных профессий, разговаривающие на одном языке. В ка-

бинете психиатра от вашей коммуникабельности будет зависеть слишком многое. Постарайтесь, чтобы эксперт понял вас именно так, как это именно необходимо вам: сделайте все возможное, чтобы «установка» эксперта на вашу невменяемость, если таковая у него будет, не превратилась в аргументированный вывод. Помните: психиатр — обычный человек, не обладающий сверхъестественными способностями. Бытующее в определенной среде мнение, что психиатр может «взглядом проникнуть в душу, читать мысли или заставить говорить правду», — абсурдно. Никакие терапевтические, гипнотические, фармакологические воздействия не могут раскрыть ваши потаенные мысли, заставить говорить, если вы этого не желаете. Не всегда состоятельно и представление о чрезвычайно высоком интеллекте психиатра, его глубоком знании человеческой психологии (в бытовом значении слова).

Психиатр — это врач, большую часть времени проводящий в стенах психиатрического учреждения, среди душевнобольных. Он привык видеть страдания, буйства, самые неприятные извращения, горе. Его пациенты — безумцы-дети и безумцы-взрослые, женщины и мужчины. Поэтому само по себе желание человека выбрать именно эту профессию и успешно выдерживающего в психиатрии «испытательный срок» (для многих критический) предполагает некоторые первичные особенности личности. Годы ежедневного пребывания на этом «кладбище погибших рассудков» накладывают свой отпечаток на личность врача, необратимо меняют его.

Вот наиболее характерные типы врачей-психиатров.

Начинающий психиатр: искренне любит психиатрию, считает ее полноценной научной дисциплиной. Из-за недостатка жизненного и профессионального опыта и малого объема знаний усматривает психическую патологию там, где ее заведомо нет. Не понимает искусственности психиатрических концепций. Поэтому в работе легко внушаем, может искренне «выявить» у вас психическую патологию. В судебно-психиатрических экспертных комиссиях участия не принимает, неопасен, так как не он будет решать вашу судьбу.

Типы зрелых психиатров следует рассмотреть более подробно. Именно они предрешат ваше будущее.

Ученый: сохранил «юношескую» страсть к психиатрии, считает ее своим призванием. Для него психиатрия — научная дисциплина (хотя и с оговорками). Как правило, относит (или: «не относит» — в подлиннике неясно, — переписчик) инакомыслие к психиатрической компетенции. Не любит участвовать в экспертизе невменяемости: «Я врач, а не следователь»... Достаточно трезв, чтобы понять конъюнктуру, но постарается «не пачкаться»: помогите ему своей правильной тактикой.

Диссертант: главная особенность: бессознательно расширяет границы заболевания, описываемого в диссертации. Убедите его своим поведением, что в качестве «материала» вы не подходите.

Вольтерьянец: умный, опытный человек и психиатр. Давно разочаровался в психиатрии как науке. Высокий интеллект, любит искусство, литературу, может помногу говорить о них. Социально инертен, т.к. не верит в успех каких-либо социальных преобразований (мудрость епископа); не исключается внешняя общественная позиция по «курсу». Трусоват, циничен. Прекрасно понимает конъюнктуру, но даже под «давлением» признает вас психически здоровым, причем в силу своей трусости сделает это убедительно наглядно, чтобы снять с себя подозрение в «симпатиях» к вам; «чтобы комар носу не подточил».

Обыватель: интеллект и специальные знания не выше среднего. Себя считает умным и опытным врачом, а свой жизненный стиль — желательным эталоном для других. В рамках «общего курса» социально активен, хорошо развита приспособляемость к внешним условиям («социальная мимикрия»). Не понимает таких явлений, как сюрреалистическая живопись («разве лошади летают?»), современная поэзия («а где же рифмы?») и т.п. Искренне считает аномальной вашу социальную позицию, основные аргументы: «Ведь была квартира, семья, работа. Зачем же вы?» С этим совре-

менным «рантье» не рекомендуем говорить об абстрактных предметах, философии, физических теориях и т.п., о современном искусстве, — старайтесь оставаться на его уровне. Опасен, может выявить психическую патологию, легко поддается давлению свыше, себя всегда оправдывает (в своих глазах) ссылкой на авторитеты, психиатрическую «школу».

Профессиональный палач: сознательно совершает эскульпацию психически здоровых людей. Обычно грамотный специалист. Поэтому единственная ваша возможность — не дать ему ни одного «симптома». В этом случае из своеобразного профессионального самоуважения может не захотеть пачкаться «явной липой».

Практические рекомендации о вашей тактике

Карательные службы имеют перед инакомыслящими одно важное преимущество: они активно аморальны. Принцип «цель оправдывает средства» используется государством против граждан, уподобившихся мальчику из известной сказки Андерсена о голем короле. Научнообразные положения о классовости морали позволяют быть откровенно безнравственным по отношению к «врагам советского народа и социалистического строя». А что — мораль? — моральна правда, но не ложь, моральна искренность, морально сочувствие и т.п. Инакомыслящие, как правило, признают именно такую «внеклассовую» мораль.

Вот что это означает в условиях предварительного следствия, суда, психиатрической экспертизы: 1) давать правдивые показания на все интересующие КГБ или суд вопросы, заведомо пагубные для себя как экспертирующегося; 2) «наталкивать» КГБ и суд на неизвестные им обстоятельства и мотивы, давать эксперту необходимую ему «симптоматику»; 3) позволять непозволительную слабость по отношению к следователю, которому «крайне необходимо успешно вести следствие», к свидетелю, струсившему «из боязни потерять должность», и т.п. К сожалению, это факты. Лгать — скверно, но учтите: от вашего желания и умения быть неморальным по отношению к лицам и организациям, исповедующим

мораль готентота, зависит ваша судьба. На опыте сотен товарищей и собственном мы утверждаем: абстрактная моральность, определяющая поведение подследственного, подсудимого и экспертирующего, противоречит его жизненным интересам. Ваше правильное поведение в период психиатрического исследования (как и следствия, суда) включает в себя не только необходимые элементарные знания из теории и практики психиатрии, но и «заземленную моральность». Все наши рекомендации рассчитаны на некоего «усредненного диссидента». Понятно, мы не можем учитывать все многообразие индивидуальных обстоятельств, интересов, судеб. Вовсе не обязательно следовать какой-либо конкретной рекомендации, если это объективно противоречит реальности. Мало того, это вредно. Бессмысленно, например, отрицать травму головного мозга в прошлом, если об этом имеются указания в документах; заикание, если вы заикаетесь, и прочее. Желательно, чтобы ваши потенциальные свидетели сумели дать столь же правильные и «чистые» показания о вашем психическом облике. Сведения, сообщаемые вами врачу, могут не совпадать с материалами следственного дела. Во-первых, закон не воспрещает подозреваемому или обвиняемому заведомо ложных показаний; во-вторых, сведения, имеющиеся у экспертов, не будучи тайной [для] КГБ (в советском праве врачебная тайна существует как чисто формальная категория), не могут быть использованы в материалах следственного и судебного расследования. Однако следует твердо помнить, что при даче эксперту каких-либо сведений о конкретных интересующих КГБ обстоятельствах следует быть осторожным, т.к. со временем эти сведения могут быть «оперативно разработаны».

Общие сведения о вашей жизни. Беременность вами и роды прошли нормально. Вы родились здоровым ребенком, сидеть, ходить, разговаривать научились вовремя. В детстве проявляли интерес к сверстникам, с удовольствием контактировали с ними. Не было предпочтения играм наедине с самим собой, чрезмерного фантазирования, лживости, упрямства; все привычки, поступки, суждения соответствова-

ли возрасту и полу. К чтению проявляли умеренный или несколько повышенный интерес, предпочитали книги, соответствующие возрасту. Не было ночных страхов, снохождения, расстройств сна, заиканий, чрезмерно выраженного страха темноты, животных, высоты и проч. Не было неустойчивости настроения, слабОВОлия, повышенной обидчивости, неожиданных реакций агрессии, побегов из школы и дома, в занятиях успевали, на «второй год» не оставались, проявляли интерес к жизни класса, школы, двора, не самоустранялись из нее, пользовались расположением товарищей (однако не были излишне «примерными», безынициативными), ваши друзья всегда соответствовали вам по возрасту. В подростковом возрасте не было «особенностей» и «трудностей» поведения. Неудачи переживали спокойно, но не безучастно; не испытывали тяги к уединенным тихим занятиям, отвращения к спорту, к большим скоплениям людей, массовым зрелищам. Жили интересами своего возраста и круга: любили кино, книги (но не одну «фантастику»), игры; к членам семьи относились с любовью, жили интересами семьи, ее заботами, переживали за близких, их болезни, печали, их радости; не были скрытны, делились в семье своими интересами и новостями. Интерес к противоположному полу возник своевременно; к выбору профессии не были безучастны; всегда проявляли живые, яркие и адекватные эмоции, искренне сочувствовали горю и неудачам близких вам людей. По характеру не вспыльчивы, контакты с людьми не «поверхностные»; не ограничиваете себя интересами круга «семья-служба». Если вы человек скрытный, замкнутый, то виной тому робость, а не отсутствие потребности в общении, к профессиональным обязанностям не безразличны, не испытываете к ним отвращения; если только того не требуют ваши занятия или профессия, не проявляете (и не проявляли) интереса к философским проблемам (ибо есть такой термин: «метафизическая интоксикация»), психиатрии, парапсихологии, математике. Учитывая уже известную вам психологию психиатра, не проявляйте интереса к современному «модерному» искусству и, особенно, пониманию его. Свободное время вы не посвящаете одним аути-

стическим занятиям: чтению, садоводству, созерцанию природы и произведений искусства. Вы имеете «хобби», интересуетесь спортом (хотя бы зритель, болельщик). Если вы холосты, не объясняйте это отсутствием влечения к противоположному полу или отвращением к семейной жизни, найдите какую-либо иную причину (отсутствие квартиры, малая зарплата, собирался, но помешал арест...). В сексуальном отношении вы всегда были в границах «приличий». У вас никогда не было склонности к «непререкаемости суждений», вы понимаете и понимали, что «в жизни кривая линия зачастую короче прямой», у вас не было немотивированных, с точки зрения окружающих, поступков. Если объективно известно о некоторых особенностях вашего характера, например, о «срывах», то проявляйте критичность к себе. У вас никогда не было травм мозга, судорожных состояний, потерь сознания, галлюцинаций, расстройств памяти, заболеваний нервной системы (мозга); алкоголем не злоупотребляете, если и пили когда, то предпочитали сухие вина. Ваши социальные взгляды менялись с возрастом, корректировались окружающими людьми, событиями, книгами и т.п. Ваши реакции на несправедливость по отношению к вам не были излишне яркими, бурными, экспансивными и длительными. Инакомыслие зародилось под влиянием книг, рассказов очевидцев и жертв репрессий, воспитания в семье и школе (если обстоятельства позволяют безболезненно сообщать такие сведения), в результате трезвого объективного осмысливания реальности. Как это ни неприятно, но наилучшей мотивировкой вменяемых в вину деяний является: «Хотел прославиться, стать известным; не понимал серьезности последствий, не посмотрел на себя со стороны; не понял, что зашел слишком далеко» и тому подобное. К сожалению, именно такие (некрасивые) мотивировки положительно воспримутся на экспертизе. Мы не настаиваем на использовании этого совета всеми и всегда; но помните: иногда обстоятельства могут потребовать и такой меры защиты, тем более что нравственная ваша позиция (отказ «топить» товарищей, «чернить» свое прошлое и т.п.) не пострадает от этого вынужденного тактического приема.

В период следствия по делам инакомыслящих, как правило, имеет место лишение свободы в качестве меры пресечения. Лишенные возможности общения с близкими, друзьями, вырванные из первичной обстановки и «жизненного стереотипа», вы становитесь участником заведомо проигранной вами схватки с КГБ. Именно в следственный период ваше поведение и обстоятельства дела предрешат: быть или не быть вашей невменяемости. Самый простой способ гарантировать себя от последующей эскульпации таков: давать все интересующие КГБ сведения о всех интересующих его лицах; не жалеть ни близких, ни товарищей, ни посторонних; отречься от своего «преступного прошлого» и т.д. и т.п. Как правило, это гарантирует от психбольницы, даже если вы психопат, хронический алкоголик. История знает тому примеры. К счастью, такую объективно и субъективно аморальную защиту своих интересов принимают немногие. Надеемся, что этот элементарно простой метод неприемлем и для вас.

В период следствия на вас будут воздействовать следующие факторы: 1) глухая изоляция от внешнего мира; 2) тревога за будущее; 3) психологическое давление следователя; 4) почти обязательное соседство по камере заключенного — «наседки», прямо или косвенно оказывающего на вас психологическое давление. «Наседка» — специально посаженный в вашу камеру человек, цель которого любым способом воздействовать на вас в благоприятную для КГБ сторону. Его методы включают уговоры дать показания, чистосердечно раскаяться, чтобы заслужить прощение; при этом «наседка» ссылается на свой личный пример или примеры своих знакомых. Иногда он «случайно» находит общих с вами знакомых в прошлом и, с ссылкой на их слова, сообщает известную ему «правду» об «изменах» вашей супруги или невесты. «Наседка» выуживает из вас необходимую следствию информацию, создает в камере совершенно нетерпимую психопатическую обстановку, мешает вам спать, есть, читать и т.п. Следовательно, как вы сами убедитесь, органически не может придерживаться закона в своих действиях, он будет вас уговаривать, запугивать, шантажиро-

вать, нарушать процессуальные нормы оформления следственной документации и т.п.

Широко известная самиздатовскому читателю Памятка А. Вольпина о поведении на следствии имеет, как сейчас выяснилось, существенный недостаток: предлагаемая А. Вольпиным «юридическая позиция» на следствии (требование от следователя соблюдать букву закона, четкое знание и отстаивание своих юридических прав) мешает следователю «чисто» вести ваше дело, запугивать на очных ставках ваших свидетелей, подтасовывать показания в протоколах допросов и т.д. Это выводит из сил следователя и вынуждает его обратиться к поискам у вас психических изъянов, ходатайствовать о направлении вас на психиатрическое исследование. Особенно «экспертогенен» для вас отказ от дачи показаний вообще (законом не воспрещаемый). Поэтому рекомендуем обращаться к подобным методам ведения своего дела только в крайних случаях.

Если позволяют обстоятельства, не ведите со следователем разговоров на «эмоциональные» для вас темы; зачастую следователь сознательно ведет подобные беседы на небезразличные для вас темы в таком «ключе», чтобы вызвать у вас эмоциональную реакцию. Таким образом, например, «готовили» к экспертизе Леонида Плюща, чтобы документально оформить его «фантазии».

Будьте заранее готовыми к ложным заявлениям следователя об имеющихся против вас «уликах», «изобличающих вас показаниях». Помните: вы не сможете доказать следователю (как и суду), что имели место слезка за вами, провокации против вас и прочее, именно потому, что это очевидно. А эксперты на этом основании присоединят к вашему «диагнозу» и «бред преследования». По этой же причине не настаивайте на данных аспектах, если позволяют обстоятельства дела. Старайтесь аргументировать свои мнения не личным опытом или анализом действительности, но ссылкой на литературные источники, утверждения авторитетов и т.п. (Иначе в экспертном заключении появится положение о «переоценке ваших данных»). Не стесняйтесь выражать беспокойство о семье, близких, друзьях. Это не-

обходимо для аргументирования в пользу вашей «эмоциональной сохранности».

Голодовки в качестве протеста желательно применять только при крайней необходимости: при желании отказ от приема пищи может быть истолкован как патология психики (это случилось с Петром Григорьевичем Григоренко).

Ни в коем случае нельзя упоминать о разочаровании в жизни, нежелании дальше жить, планах покончить с собой. Это немедленно навлечет на вас подозрение в психической болезни и может быть веским аргументом в пользу эскульпации. О мыслях, о планах покончить с собой нельзя говорить даже.

Не бойтесь воздействия на вас фармакологическими веществами, вводимыми посредством воды или пищи; не отказывайтесь от лечения, если больны, — факты подобных воздействий, как правило, не подтверждаются. Мы полагаем, что подобные методы воздействия не практикуются вообще, т.к. сопряжены с определенными чисто техническими трудностями и на самом деле были бы мало эффективны.

Никакие «научные» методы не смогут заставить вас поступать против собственной воли и совести. То же касается и гипнотического внушения, в подобных ситуациях вообще неэффективного.

Период психиатрического исследования и собственно экспертизы мы рассматриваем на примере стационарного экспертирования, как наиболее сложного случая.

Конвоем вы доставлены в приемный покой психиатрического учреждения, где уже с первых минут находитесь под наблюдением медицинского персонала. В приемном покое происходит санитарно-гигиеническая обработка испытуемого и первая беседа с врачом. Не отказывайтесь от гигиенических процедур, беседы и врачебных манипуляций, т.к. это может быть расценено как «психический негативизм». В палате (или камере) вы встретитесь с иными исследуемыми. В их числе могут быть и психически больные люди, к присутствию которых вам придется привыкать. Не бойтесь их, даже агрессивные больные не столь опасны, как утверждает молва, тем более в условиях больницы, психиатрическо-

го стационара, с практикуемыми методами «устрашения». Помните, что и здесь не исключено присутствие «наседки». Как правило, в каждой палате постоянно находится санитар или фельдшер, в его функцию входит непрерывное наблюдение и, при необходимости, купирование, с помощью инъекций медикаментов или различных видов «фиксаций», агрессивности, повышенного возбуждения и проч.

Средний медицинский персонал в психиатрических учреждениях ведет журнал наблюдений, где подробнейшим образом фиксируются все особенности поведения больных и исследуемых, их высказывания, просьбы и т.п. Поэтому: контролируйте каждый свой поступок, каждое слово — все будет доложено «ведущему» вас врачу (т.н. «докладывающему врачу», представляющему вас экспертной комиссии). Беседы с «докладывающим врачом» во многом определяют заключение комиссии. Будьте достаточно вежливы с ним (как бы ни относились к нему); по возможности отвечайте на все вопросы; некоторые вопросы могут показаться «глупыми» («Какое сегодня число? день? год? Сколько останется, если из ста вычесть тринадцать? В чем смысл пословицы «Ни в свои сани не садитесь»?») и т.д.). У вас будет возможность определить интеллектуальный уровень психиатра, его манеру вести беседу, ваша задача говорить с ним «на одном языке, на одном понятийном уровне».

Многие советы о тактике беседы с психиатром и ее содержании изложены выше, в иных разделах нашей работы. Старайтесь не пользоваться выражениями, которые могут быть расценены как «символические ассоциации» (например, из опыта(?) Григоренко: ему был задан вопрос о «мотивах» его «антисоциальной деятельности». Григоренко ответил так: «Нечем было дышать»).

Не утверждайте категорически о слежке за вами, преследованиях, подслушиваниях, провокациях и т.п. (Печерникова и Косачев: «По мере развития и перерастания параноидных реакций в патологическое развитие личности основные патологические образования постепенно начинают обрастать бредовыми идеями преследования, отношения, «интерпретации»).

Голодовки следует объявлять только в крайних случаях, т.к. они тоже будут расценены как проявление «психопатического негативизма». Убедить психиатра в объективности и социальной обусловленности своих убеждений вы не сумеете (именно потому, что и сам это понимает); ввиду этого не рекомендуем углубляться в дискуссию на социально-политические темы, иначе может быть констатирована «переоценка своих данных». (Печерникова и Косачев: «Сверхценные представления сменяются интерпретативным бредом, который приобретает черты некорректируемости, убежденности, паралогичности, появляется переоценка своих данных».) Может быть отмечена и «обстоятельность мышления» (так случилось с Григоренко).

Разумеется, если психиатр задался целью выявить у вас патологию, любой ваш ответ и поступок может быть расценен соответствующим образом. У Жореса Медведева, например, было констатировано «расщепление личности» на том основании, что он по профессии биолог, а пишет стихи...

Ваше поведение должно быть максимально естественным, не скрывайте тревоги о будущем, о семье, близких, друзьях, чтобы не выявили у вас «эмоциональную сглаженность» или «холодность».

Отрицайте знакомство с нашей работой, не сообщайте, что когда-либо интересовались психиатрией, парапсихологией, философией, религией (если это возможно, исходя из объективных данных обстоятельств).

Помните, что советский врач не может гарантировать вам соблюдение профессиональной тайны. Не сообщайте ему «оперативных» сведений, которые могут быть использованы против вас или ваших знакомых.

Спустя определенное время, «докладывающий» врач представит вас комиссии, сообщит ей о своих наблюдениях, характере и содержании бесед с вами, сделает предварительный анализ и даст заключение о вашей вменяемости (или невменяемости).

И последнее: молва о «фармакологических» допросах в психиатрических учреждениях не беспочвенна. Существует метод так называемого «амиталового интервью», посред-

ством внутривенного введения амиталярия. Через короткое время (секунды) после введения у испытуемого наступает непродолжительное состояние опьянения, сходного с алкогольным, затем переходящее в глубокий сон. Принцип довольно банален: «у пьяного развязывается язык». Метод «растормаживания» (так его называют официально) применяется в случаях, когда у испытуемого или больного хотят выявить скрываемый бред, галлюцинации и т.п. Компетентно заявляем: метод малоэффективен, не бойтесь его, контролируйте свое состояние (это возможно), и эффект «развязывания» вашего языка не удастся.

Поведение в психиатрической больнице

Может случиться худшее: несмотря на полное следование нашим рекомендациям, вы будете признаны невменяемым и определением суда направлены на принудительное психиатрическое лечение.

Бесправное положение психически больного незавидно. Вы не должны отчаиваться! Многие десятки ваших товарищей долгие годы находятся на принудительном лечении без значительного ущерба для здоровья. Несмотря на весь арсенал психофармакологических средств, шоковую терапию, современная наука, к счастью, пока не в состоянии необратимо изменить человеческую индивидуальность, убить личность в человеке.

Каждые шесть месяцев вас должны представлять на очередную психиатрическую экспертизу, этого требует закон. Кто знает, может быть, одна из таких комиссий признает вас «излеченным». Нет никаких оснований надеяться на совесть врачей; к сожалению, малоэффективно и давление мирового общественного мнения по поводу преступного использования психиатрии в СССР.

Практика показывает, что для создания себе более или менее сносных условий существования в психиатрической больнице (менее выраженный «режим притеснения», разрешение на чтение книг, более мягкое «лечение» с более продолжительными перерывами между курсами) необходимо сообщать врачам о «переоценке своих прежних болезней»

ных убеждений». Отдавая должное мужеству Леонида Плюща, сознательно отказывающегося в спецбольнице г. Днепропетровска от любых «тактических приемов», мы настоятельно рекомендуем все же пользоваться ими. В этом и только в этом единственная надежда на спасение.

Заключение

Экспертировавший одного из авторов данной работы профессор Ушаков так пишет в своем учебнике, рассчитанном на студентов-медиков: «Научные идеи, доминирующие в сознании ученого, фанатические идеи верующего представляют собой варианты переоценки (т.е. сверхценных, патологических) идей».

Стоит ли удивляться после этого широкой практике эскульпации инакомыслящих?

Знание элементарных положений психиатрической практики, умение сознательно и грамотно вести себя при встрече с психиатром — необходимо сегодня многим. Известные обстоятельства нашей жизни помешали нам ранее письменно обобщить наш опыт и предложить его читателям.

Наша работа рассчитана и на тот случай, когда вам придется выступать на следствии в качестве свидетеля. Тогда от ваших показаний будет зависеть судьба других людей.

Столь сжатый объем не позволил достаточно глубоко и серьезно осветить некоторые вопросы теории психиатрии и взаимоотношение права и психиатрии, поэтому для тех, кто желает ознакомиться с проблемами, затронутыми в нашей работе, рекомендуем следующую литературу.

Рекомендуемая литература

1. Уголовный кодекс (комментарии).
2. Уголовно-процессуальный кодекс (комментарии).
3. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении (стр. 36).
4. Закон РСФСР о здравоохранении (стр. 54-56).
5. Инструкция о неотложной госпитализации психических больных МЗ РСФСР.

.....

8. Медведев Ж. «Кто сумасшедший?», Самиздат.

9. Григоренко П. Воспоминания, Самиздат.

. . . . .

11. Гиляровский В. А. Психиатрия, М. 1964.

12. Гаянушкин Н. В. Избранные труды, М. 1964.

13. Тимофеев Н. Н., Тимофеев Л. Н. Вопросы медицинской деонтологии в судебно-психиатрической клинике. Журнал «Невропатология и психиатрия» им. Корсакова, 1973, № 5.

14. Печерникова Т. П., Косачев А. А. Некоторые особенности становления и диагностики паранойяльных синдромов при психопатиях. Судебно-медицинская экспертиза за 1973 год., № 4.

15. Тимофеев Н. Н. Деонтологический аспект распознавания больных шизофренией. Журнал «Невропатология и психиатрия» им. Корсакова, 1974 г., № 7.

16. Шманова Л. М. Клиника вялотекущей шизофрении по данным отдаленного катамнеза (докторская диссертация), М. 1968 г.

Наряду с этим убедительно просим опубликовать за именем Глузмана «Заочное судебно-психиатрическое исследование по делу Григоренко».

Если необходимо, дайте в конце работы словарь терминов.

Буковский В.

Глузман С.

Владимирская тюрьма — Пермский политлагерь

ПЕРЕЧЕНЬ ИМЕН

- Агурский, М. 5-6, 15-16
 Алексеева, Л. 15-16
 Амальрик, Ж. 5
- Баева, Т. 15-16
 Баранов 11
 Батулин, Н. Г. 29
 Бахмин, В. 15-16
 Белинков, А. 12
 Бергман, П. 34
 Беспалов 22, 23
 Бёлль, Г. 12, 34
 Боннэр, Е. 15-16
 Борисов, В. 5-6
 Боровин, Н. П. 12
 Бородин, Л. 5-6, 15-16
 Брежнев, Л. И. 34
 Бродский, И. 5
 Буковский, В. К. 34, 36-61
- Великанова, К. 15-16
 Великанова, Т. 5-6, 15-16, 33
 Винер, Н. 31
 Винс, Г. П. 29, 35
 Володин 21
 Вольпин (Есенин), А. С. 55
 Воронель, А. 5-6
 Вудка, Ю. 35
- Галич, А. А. 34
 Гаянушкин, Н. В. 61
 Гершуни, В. Л. 15-16
 Гильдман, К. 15-16
 Гиляровский, В. А. 61
 Гинзбург, А. И. 19-24
 Глузман, С. 8-14, 36-61
- Горбаневская, Н. Е. 15-16
 Григоренко, А. П. 5-6, 15-16
 Григоренко, З. М. 15-16
 Григоренко, П. Г. 12, 56-58, 61
 Гунихин 10
- Деев 21
 Делоне, В. 15-16
 Дзюба, И. 9, 14
 Дигас, Г. Т. 13
 Дмитриев, Г. 47
 Дремлюга, В. 15-16
 Дудко, Д. 34-35
- Житникова (Плющ), Т. И. 15-19
- Залмансон, С. 33
- Иванов, Н. 5-6
 Ильинов, В. М. 35
 Ильяков, В. 5-6
- Каменецакая, Э. П. 17
 Камю, А. 12
 Каплун, И. 15-16
 Киселев, Ю. 15-16
 Клинк 34
 Ковалев, С. 5-6, 33, 34
 Коган, А. 10
 Королев, И. 15-16
 Косачев, А. А. 47, 57, 58, 61
 Костерина, Е. 15-16
 Косыгин, А. Н. 27, 34
 Кох, Э. 13
- Кочетов, В. 12
 Кречетова 20, 23
 Кудирка, С. 33
 Кузиков 21
 Кузикова 21
- Лавут, А. 15-16
 Ланда, Б. 15-16
 Ланда, М. 15-16
 Лашкова, В. И. 15-16
 Лисовская, Н. 15-16
 Лобер, Г. 19
 Лунев 21
 Лунц, Д. 13, 43, 45
- Максимов, А. Гр. 10
 Максимов, В. 34
 Марамзин, В. Р. 5, 34
 Марченко, А. 15-16, 33
 Машкова (Осипова), В. 6-8
 Медведев, Ж. 58, 61
 Мешенер, И. 11
 Михайлов, М. 34
 Мороз, В. 34, 35
- Некрасов, В. 34
 Нот, К. 35
- Орлов, Ю. Ф. 5-6, 15-19
 Осипов, В. 5-8, 34
- Пайлодзе, В. 24-25
 Палах, Я. 14
 Печерникова, Т. П. 47, 57, 58, 61
 Пименов 8, 11
 Платонов, А. 36
 Плющ, Л. И. 13-19, 33, 34, 36, 55, 60

- Подгорный, Н. В. 27
 Подъяпольский, Г. 15-16
 Поттер, Ф. 35
 Пристли, Д. 35
 Причет, В. 35
 Пришляк, Е. 11
 Прусс, Ф. К. 17
 Пушкин, А. С. 36
- Родионов, В. 5-6
 Розенштейн, Г. 15-16
 Розенштейн, Н. 15-16
 Рубин, В. 15-16
 Руденко 19
 Руденко, Н. 15-16
 Румачик, П. В. 29
- Сахаров, А. Д. 34
 Светличный, И. 34
 Селезенко 9
 Серый, С. 5-6
- Синявский, А. Д. 34
 Смородинская, Э. 15-16
 Старчик, П. П. 34
- Тимачев, В. 15-16
 Тимофеев, Л. Н. 61
 Тимофеев, Н. Н. 44, 61
 Турчин, В. 5-6
- Урбан, Р. 15-16
 Утырь 9
 Ушаков 60
- Франко 9
- Хаустов, В. 34
 Хейфец, С. 5
 Ходорович, С. 15-16
 Ходорович, Т. 5-6, 15-19, 33
 Холодный 9
- Хохлушкин, И. 5-6
- Чаадаев, П. 36
 Чалидзе, Б. Н. 30-33
 Часовских, Л. А. 17
- Шатуновская, Н. 15-16
 Шафаревич, И. 5-6
 Шманова, Л. М. 61
 Шнарр, Ф. 4
 Шульц, В. 34
- Щелоков 19
- Элстун, П. 35
- Юлин 20, 23
- Яворский, М. 10
 Якир, И. П. 15-16
 Якир, П. И. 9